

Константин Бальмонт

ЗОВЫ ДРЕВНОСТИ

Гимны, песни и замыслы древних

В великих просторах мировых морей, в Океане, обтекающем Землю, в зеленых, и синих, и серых, и жемчужно-опальных, и слегка голубых пространствах Воды, от одного предела до другого, много есть разных стран, островов, зовущихся частями света, и островов, что зовутся острова, и во всех этих странах по-разному светит Солнце, в иных узорах предстают звезды, и разные растут деревья и цветы, но жизнь различностей одним возвана была Солнцем, великий один закон управляет несоизмеримыми движеньями, путями Вещества, и везде жаждущий взгляд устремляется к Солнцу, Дневному Солнцу или Ночному, и повсюду цветут цветы, даже в расщелинах утесов или между камней умерших храмов, даже из снега глядят они своими голубыми глазами, а когда Воздух скован слишком сильным Морозом, самый снег обращается в цветы. И как знать, что красивее, горячие ли кактусы под Африканским Солнцем, или звездные кристаллы Норвежских снегов и льдов, белоснежные холодные цветы, возросшие в лунные ночи, под шепот и руны слепых провидцев.

От Океана, зовущегося Лдяным, с его свистящими ветрами, до теплых замкнутых средиземных морей, и от великих громад Тихого Океана, бьющегося о золотую Калифорнию, до голубой Атлантики, задернувшей синию занавесью Город Золотых Ворот, и высокую Башню Солнца, и Город Лика Вознесенного, возникают острова созерцания и действительности, расцветаются кипучею жизнью береговые полосы Земли, живут яркой жизнью внутренние страны, быть может, любящие Море еще больше, в силу внутренней тоски по Морю, живут обособленной своей жизнью дни и века, тысячелетия и целые ряды тысячелетий, а умрут, – умереть все-таки не могут, ибо, что раз горело, то уже светит всегда, отраженным, преображенным, рассеянным светом, разбросанным, как бывают разбросаны ветром и птицами семена низинных растений, попадающие на Эверест и Чимборасо, и как от цветка к далекому цветку разбросана цветочная зиждательная пыль звенящими пчелами, позлатившими себя поцелуем с цветком, и как бывают разбросаны жесткою рукою неживые семена по продольным бороздам, чтобы смерть превратилась в жизнь, и чтобы черные глыбы стали веселящим глаз изумрудом, и поздней шелестящею сказкою золота. Побывать мечтой на всех мировых полях, и ото всех вернуться обогащенным; – помедлить над голубым и желтым Нилом, в этой единственной долине, не знающей дождей, но изукрашенной голубыми и розовыми лотосами, любящими влагу, насмотреться вдоволь на красавца растений, стройный папирус, столь же священный в своей ритуальной взнесенности, как ритуально-священны все изваянья Богов и Богинь Египта, и все очертанья и краски Египетской живописи; – унести к тропическим лесам Майи и Мексики, где звучат птицы-флейты, и лакомятся пылью цветов быстрые колибри, находящиеся в вечном движении, прислушаться к ропотам древних Космогоний, нарвать там стеблей маиса, и много-много сорвать волнующих чаш орхидейных, меж белого майского цвета, и красно-лиловых гроздий растенья, чье имя есть огненный куст: – побывать в древней Индии, между

первичных поэтов, сказавших, что семь есть чарований у Агни, семь языков у Огня; – горной свежестью подышать в пределах Ирана, и запомнить полные мужественной прелести благоговейные напевы Заратустры; – уверовать с Халдеями в Семь Страшных Демонов, и снизойти с И стар в Преисподнюю; – воронов Одина увидеть, и песню орлов услышать, которые пели Сигурду; – ржаных и пшеничных колосьев нарвать в красивой Польше и печальной Литве; – родного Перуна послушать, и вместе с Ярилой влюбиться в Богиню-Громовницу; – перекинуться к новым дням, к нашим дням, похожим на белые ночи, к нашим чарам и к нашим раденьям, городским, запоздалым, полночным и комнатным; – всюду увидеть-услышать голос мига и данного места в существенной их единичности, а, расслышав, напевно, в стихах ли текучих, или в прозаической срывчатой речи, воссоздать услышанное, – вот сложная радость и многосложная задача художника, чья душа многогранна и чья впечатлительность по морскому многообразна, – задача, зовущая многих художников к творческой работе многих лет.

Поэт слышит дальние шепоты, подземные голоса, и зовы времен отшедших. Он – как те чада Солнца и дети Луны, бронзово-вылитые красно-цветные, которые, принося ухом к земле, слышат не только далекие шумы, но и далекие шорохи. Он – как горное эхо, которое схватывает прозвучавший голос, и в перепевах бросает его из пещеры в пещеру. Горное эхо не весь ухватит прозвучавший голос, но то, что будет ухвачено, оживет в переключке волнующим призывом, и будет иметь свое очарование, особую прелесть свою, чару капризного горного эха, которое воссоздает-то не все, а лишь то, что ему приглянется, но эти отдельные звуки и отзвуки раздаются зато с особенной четкостью. И река, отразившая звездное Небо и ветви плакучей ивы, не может быть Небом и ивой, пребудет рекой убегающей, но отражение Неба и звезд и ветвей не имеют ли также собственной чары, и не радостно ли тем, кто не может видеть Небо, увидеть его отраженным в зеркале.

Мы, Русские поэты текущих дней, – а только в России существует сейчас кипенье настоящего творчества, – создадим великую звездность в области Русского Поэтического Слова, и наши творчески-литературные переживания будут страницами в книге, чье имя – художественность мысли, чьи имена – искание жемчуга, возженье светильников, воссоздание забытого, исторганье из темных глубин, скрытых в них, тайных кладов.

Между нами не будет соперничества, а лишь состязанье искателей, соревнование целой дружины, где каждый отдельный есть зоркий ловец жемчугов. У каждого есть своя хватка и своя особенность. Я, говорящий, сроднился издавна с замыслами древних Космогоний, и с двумя современными слитными Гениями – с Испанией, что есть сад горячих гвоздик, и с Англией, что есть остров в свеченьи морей. Поэт стального стиха, Валерий Брюсов, лелеет в душе бранные клики всех веков, и близок чрезвычайно к Латинскому Гению времен Рима-Миродержца и к нежно-ядовитому Парижу наших дней, окутанному изумрудами предвечерней дымки, Пасечник Русской Речи, Вячеслав Иванов, владеет, как никто, постижением Древне-Эллинского мира и облачно-лесными состояниями Русского Стиха. Сологуб есть истинный угадчик Дьявола, и услышит его всюду, где он заговорит. Тонкий живописец настроений природы, Бунин знает голоса степных пространств. Балтрушайтис не тщетно родился в Литве, где полевые розы обрызганы слезами. И Блок, занесенный снегом, умеет, стряхнувши снежные звездочки, войти в детскую, где гномик остановил часы горя на часе и минуте радости. Минский и Мережковский, Бенуа и Бакст, Зелинский и Батюшков, Волошин и Городецкий, целый ряд писателей, поэтов и художников, уже сказавших свое слово и только что выступающих с лезвием слова, сливаются ныне в одном великом замысле – свить цветочную гирлянду красоты и знания. Я не пересчитываю всех имен. И еще другие придут, другие, другие, освященные творческим даром – уменьем знать счастье и испытывать боль. Мы создадим Певучую Дружину. Она уже есть.

Вот, мы собрались на ночной равнине. Срывные скалы кругом, запутанность гор. Но мы знаем, что есть священная игра – из рук в руки передавать заповедный

светильник, от факела к факелу, ждущему света, перебрасывать быструю искру. Скорее – рука к руке, и от края до края. Бросим и тут и там, по ночным окраинам, алые гроздья огня.

И зажжем на высотах костры.

К. Бальмонт

13 февраля 1908

Долина Берез

*Давно уж с Поэтами я говорю.
Иных чужеземных садов.
Жемчужины млеют в ответ янтарю.
Я сказкой созвучной воздушно горю
Под золотом их облаков.*

*И вижу я алые их лепестки.
В душе возникает рубин.
Звенят колокольчики возле реки,
И в сердце так много красивой тоски.
Я чувствую. Мрак – властелин.*

*Но Агни, о, Агни сильнее всего.
Я сам изошел из Огня.
И близок я Солнцу с лучами его,
И лучше сияния нет ничего.
И звезды ласкают меня.*

*Я с ними, я всюду, где греза поет,
Я всюду, где дышит душа.
Мне блески зажглись, отступили, и вот,
Где были, сплелись там цветы в хороводе.
Как жизнь меж цветов хороша!*

К. Бальмонт

1905. Москва

Золотой Сентябрь

*От Солнца до Солнца иду я,
От Ночи до Ночи я жду.
Внимая, тоскуя, ликуя,
В душе засвечаю звезду.*

*Мне Сириус дал золотоцветность.
Мечту он увлек за собой.*

*И, в сердце лелея ответственность,
Увидел я Нил Голубой.*

*Большую Медведицу зная,
К цветам неизведанных мест
Ушел я, и мгла голубая
Мне Южный означила Крест.*

*Дорогою душ устремляясь.
Я Млечным Путем проходил.
И мысль, серебрясь, расцветаясь.
Златых прикоснулась светил.*

*Цветы небосводные были
Так ярки в своей высоте,
Что блески цветочной той пыли,
Остались как гроздь в мечте.*

*От Солнца до Звезд и до Солнца,
От Солнца до Звезд и Луны,
Румянность и рдяность червонца,
Опально-сребристые сны.*

*И, если я снова в тумане,
И дымность в сияния лью, –
Я все ж, и в туманной Бретани,
Багряное Солнце пою.*

К. Бальмонт

*1906. Финистер. Примель
Лето.
1908. Фландрия. Беркендаль
Убыль Зимы.*

ЕГИПЕТ

ПРЕДСТАНИЕ ПЕРЕД ЛИКОМ ДНЯ

ГИМН К РА, КОГДА ОН ВОСХОДИТ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ НЕБА

(Гимн к солнцу)

Почитанье тебе и хвала,
Тебе, что пришел как Хепера, создатель Богов,

Чтобы в свет обратилась мгла,
В века из веков,
Меж тем как ладья
Восходящего Солнца плывет по морям Бытия.
Ты восходишь, сияешь, и свет твой течет,
Озаряешь бессмертную мать свою Нёт,
Изначальную влажность, источник всего, что живет,
И мать твоя, руки вздымая свои,
Приветствует Бога в своем бытии.
Ману, вершина, куда на закат
Солнце уйдет, как лучи догорят,
Тебя принимая, светла.
И богиня Маат,
Что в делах Мироздания была,
Обнимает тебя по зарям,
По зарям, по утрам-вечерам.
Да дозволит блистательный Ра, чтобы взор
Весь увидел вселенский убор,
Чтоб двойник как живая душа
Увидел Геру-кхути, двойной кругозор.
Чтобы, вольно дыша,
Он увидел весь свет,
Ману, Запад-гору, и гору Бакхатэт,
Весь простор мировой, что так в зорях широк.
Самый крайний Закат, самый крайний Восток.
Придите, и Рада восхвалим, Владыку небесных пространств,
Он Вождь, он Здравье, он Сила, он Жизнь в огнеблеске убранств.
И те, что живут на высотах, и те, что в глубинах низин,
Тебя почитают, Лучистый, просторов и дней Властелин.
Бог Тот, что есть Слово и Мудрость, с супругой своею Маат,
На каждый твой день начертали твой путь меж воздушных громад.
Твой недруг в огонь был низринут, Сэбау, злокозненный змей.
Срубив ему ноги, ты руки втеснил в узловатость цепей.
Исчадья бессильного бунта не встанут уже никогда.
Храм Солнца, храм в Городе Солнца, поет, – и пылает Вода.
Все Боги ликуют, увидев, что встал и возносится Ра.
Что блеском объаты все реки, долина, равнина, гора.
Величество Бога Святого идет и уходит вперед,
До самой вершинности Ману лучистый свой путь доведет.
Да славится, светлый в рожденьи, и светлый в закатности, Ра,
Всегда он победно доходит до места, где был он вчера.

Будь в мире со мной,
Властитель, не кинь меня в сумрачном зле,
Дай сполна мне упиться твоей красотой,
Да свершаю свой путь на Земле,
Да сражу я того, кто весь мир обратил бы в вертеп,
Змеедемон Сэбау да будет сражен,
Да падет с темной свитою он,
И в свой час – и зловещий Апеп,
Змей, чей вид – воплощенный уклон.
В надлежащее время да вижу священную рыбу, Абту,

И священная рыба Ант да ведет меня в тихий затон,
Эти две, что на склонах ладьи отразили свою красоту.
Да увижу, что Горус в ладье – рулевой,
И что Тот и Маат – близко, вместе со мной.
Прикоснуться к вечернему дай челноку,
И дозволю моему двойнику
Видеть Солнце и Лунного Бога, всегда, каждый день, без конца,
И дозволю, чтоб душе было можно блуждать,
Не отвращая лица
Ни от какой стороны, и чтоб имя мое как печать
Закрепилось в таблице деяний моих,
Меж стихов звучный стих,
Да войду я в ладью лучезарного Солнца, струящего свет,
В день, как Бог в путь пойдет,
Да приду в свой черед
Пред лицо Озириса, в страну светлоликих побед.

ИСПОВЕДЬ ОТРИЦАЮЩАЯСЯ

Нэбсэни, писец, что писал,
На суд, с ликованьем, сказал:

1. Тебе, чьи широки шаги, кто приходит из города Анну,
Из города Солнца, – привет! Пред тобою ли быть мне обманну!
2. Тебе, кто пришел от Мемфиса, тебе, кто в объятых Огня, –
Привет! Я не делал неправды, нет в этом перста на меня.
3. Тебе, кто пришел из Хеменну, над коим властитель есть Тот, –
Привет! Не свершал я насилия, не втиснул другого под гнет.
4. Тебе, кем сдается тени, чей путь – от источников Нила, –
Привет! Я не крал, похищения вот эта рука не свершила.
5. Тебе, что пришел из Рэстау, от тайн и от страхов могил, –
Привет! Ни жены я, ни мужа рукою своей не убил.
6. Тебе, Бог Вчера и Сегодня, Лев с Неба, Бог-Лев, Лев Двойной, –
Привет! Четверик не был легким соделан обманчиво мной.
7. Тебе, чьи глаза искрометны, тебе, кто пришел из Сэхэма, –
Привет! Не вводил я в обманы, для лжи сердце чистое – немо.
8. Тебе, воплощенное Пламя, тебе, что уйдешь, как пришел, –
Привет! Надлежащего Богу к вещам я своим не причел.
9. Тебе, Сокрушитель костей, что приходишь из Сутэн-Хенена, –
Привет! Я не лгал никогда, неведома сердцу измена.
10. Тебе, чье волеенье велит, чтоб огонь, раз зажегся, возрос,
Был ярче, – привет! О, ни разу я пищи чужой не унес.
11. Тебе, что пришел из Аменти, с закатных пришел берегов, –
Привет! Я во лжи неповинен, облыжных не ведаю слов.
12. Тебе, чьи блистательны зубы, тебе, кто пришел из Та-ши, –
Привет! Ни за кем я не гнался, живой я не мучил души.
13. Тебе, что питаешься кровью, тебе, что из бойни пришел, –
Привет! Я животных, что Божьи, не трогал, своими не счел.
14. Тебе, что съедаешь утробы, тебе, что пришел из Мабет, –

- Привет! Не свершал я пронырства, дурной не измыслил совет.
15. Тебе, Бог Закона и Правды, из града Маати двойной, –
Привет! Не топтал я те земли, где плуг проходил бороздой.
  16. Тебе, что приходишь назад, чья из города Баста дорога, –
Привет! Я не спутывал дел, и я не измыслил подлога.
  17. Тебе, что зовешься Аати, и из Анну приходишь сюда, –
Привет! Рот мой не был берлогой, в котором другому – беда.
  18. Тебе, кто приходит из Ати, и есть во двоякости злой, –
Привет! Без причины я гневу владеть не дозволил собой.
  19. Тебе, что приходишь из бойни, о, змей Уаменти, – привет!
Я в жизни жены человека не бросил марающий след.
  20. Тебе, что несомое видишь, чей в Амсу есть храм красоты, –
Привет! Не свершил ничего я, что против моей чистоты.
  21. Тебе, Повелитель высоких, чей город есть Град Сикоморы, –
Привет! Не пугал я, и страхом не делал я мутными взоры.
  22. Тебе, истребительный Хэми, что с озера Кави пришел, –
Привет! Я в священные сроки не ввел никакой произвол.
  23. Тебе, чье господство – над речью, тебе, что пришел из Урита, –
Привет! Не ввергался я в ярость, не пенилось сердце сердито.
  24. Тебе, о, Дитя, что приходишь от озера-света Гек-ат, –
Привет! Не закрыл я для правды ни слух мой, ни видящий взгляд.
  25. Тебе, устрояющий речи в размерности четкой узора, –
Привет! Подстрекателем не был, и мной не возлюблена ссора.
  26. Тебе, что из Тайного Града, – привет! Я в веселье не внес
Печали, и не был причиной тоскующе-брызнувших слез.
  27. Тебе, что пришел из Жилища, с лицом, обращенным вослед, –
Привет! Нечистот не свершал я, с мужчиною не был раздет.
  28. Тебе, со стопою горящей, тебе, чей пылающий путь, –
Привет! Я не съел свое сердце и гневом не сжег свою грудь.
  29. Тебе, о, Кенэмти, который из града пришел Кенэмет, –
Привет! Я не ткал заблуждений, и тьмой не опутывал свет.
  30. Тебе, что из града Саиса приходишь, приявши даянья, –
Привет! Не свершал я насилья, не вызвал насильем стенанья.
  31. Тебе, что за лицами смотришь, тебе, что из града Чефет, –
Привет! Не судил я поспешно, раз властью судьи был одет.
  32. Тебе, кто приходит из Унта, тебе, кем даруется знанье, –
Привет! Я не ведаю мести, на Бога не поднял восстанья.
  33. Тебе, Двоерогий Властитель, чья мощь, в соответствии, двурога, –
Привет! Не умножил я речи, и слов не сказал слишком много.
  34. Тебе, Нэфэр-Тэм, что приходишь из града святынь Гэт-ка-Пта, –
Привет! Не повинен я в кознях, во мне не сплелась темнота.
  35. Тебе, что зовешься Тэм-Сэном, и держишь из Татту свой путь, –
Привет! Не случилось – вот этим – устам Фараона клянуть.
  36. Тебе, у которого сердце в работе, из града Тэбти, –
Привет! Я не взмучивал воду, встречая ее на пути.
  37. Тебе, водный Аги, что путь свой из Ну направляешь, – привет!
Не делал я голос надменным, ни резким, давая ответ.
  38. Тебе, что даешь человекам для каждого мига – веленья, –
Привет! Не построил я в сердце уюта для богохуленья.
  39. Тебе, Озерной, что приходишь с затона Нефера, – привет!
В своем поведеньи я не был ни в грубость, ни в наглость одет.
  40. Тебе, Нэгэб-кав, что приходишь из града, который есть твой, –

- Привет! Не искал я тщеславно быть изысканным пышной хвалой.
41. Тебе, чьи глаза суть священны, – привет! Я не ждал умноженья
Богатств вне законных пределов, за труд нам дающих владенья.
42. Тебе, что пришел из Авверта, из мглы Преисподней, – привет!
Я Бога родного не презрил, ни в днях, ни в сплетенности лет.

О СОХРАНЕНИИ ПАМЯТИ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Да сохранится мне имя мое,
В Великом Доме.
Да не покинет меня.
Потонув в забвеньи и в дреме,
Да помню я имя мое,
В Доме Огня,
В ночь летосчисленья,
И приведенья в размерность числа
Месяцев, – в ночь говоренья,
Сколько их есть, и какая толпа их была.
Да не сузится память моя,
Ныне с Божественным я,
В части Неба восточной.
Если какой-нибудь Бог
Ко мне подойдет в час урочный,
Да во мне не задержится радостный вздох.
И в памяти точной
Да тотчас я имя его найду,
Да имя его вознесу, как звезду.

О ПРЕБЫВАНИИ МЕЖ ВЕЛИКИХ БОГОВ

Я сию меж великих Богов.
Путь к Великому Дому сам себе я нашел.
И летучка крылатая, что зовут – богомол,
Проводила меня вплоть до сих берегов,
Где, в Аменти, я вижу великих Богов,
Я гляжу с ликованием на них,
Как вокруг излучается их красота,
И не страшно мне их,
Ибо в сердце моем чистота.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ЗМЕЮ САТУ

Домохранитель хранителя печати,

Ну, торжествуя, сказал:

Я Сата змея, чьи годы суть многи,
Каждый день умираю и рождаюсь я,
Я Сата змея, что умрет на пороге
Отдаленном Земли. Так, я Сата змея.
Каждый день – умерев – вновь рождаюсь я,
Каждый день я опять молода,
Через смерть – возрождаюсь всегда,
Я в круге возврата
Свежий миг бытия.
Я Сата, я Сата,
Я Сата змея.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ПТИЦУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Я Бенну, птица возрожденья,
Возник я – как священный жук,
Как Бог Хепера, что свершает свой восполняющийся круг.
Взрос я – как растут растенья.
Как черепаха – свой наряд
Надел, и засветил свой взгляд.
Во мне, в зерне, есть каждый Бог.
Я есмь Вчера – их, четырех
Пространных мировых частей,
Я есмь Вчера – и их сплетенья,
Семи свивающихся змей,
Уреев, змиев, узел чей
Есть Фараонов украшенья,
И чье в Аменти есть рожденье,
В стране скончанья, захожденья.
Я с днем пришел, я вольный вздох.
И мне ли быть печальну, пленну?
Мой пух – как снег, я птица Бенну,
Я свет воздушный, лунный Бог.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В КРОКОДИЛА

Рыба мощная Кемура,
Я священный крокодил.
Я гляжу, мерцая хмуро,
Мною, в числах, полон Нил.
Пребываю окруженный
Мглою страхов, и к врагам
Устремляюсь разъяренный,
Знает то – гиппопотам.

Как схвачу зубами всеми.
Кровь – что пурпур над волной.
Храм мой – в городе Сэхэме,
Там лежат предо мной.

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ЛОТОС

Я чистый лотос,
Я, светлый, вышел
Из блеска Ра.
Его дыханьем
Я был воздвигнут,
И вот – пора.
Я чистый лотос,
Искал, где Горус,
Свершил весь путь.
Взошел на Поле,
Я чистый лотос.
Дохнуть, блеснуть!

О ПРЕВРАЩЕНИИ В ЛАСТОЧКУ

Домохранитель хранителя печати,
Ну, торжествуя, сказал:
Ласточка я, ласточка я,
Я Скорпион, дочь Ра.
Привет вам, Боги, что, нежность струя,
Дышите! Слышите, песнь вам моя!
Ласточка я.
Привет тебе, Пламя, чьи очи горят!
Привет тебе, тот, кем так зарится град.
Руку свою протяни,
Да смогу провести мои дни
В лучезарном затоне Двойного Огня,
И вперед пропусти с благовестьем меня,
Ибо есть у меня слова,
И ими жива
Надежда моя.
Хочу сказать то, что видел я.
Горус – владыка в ладье золотой,
В Солнечной лодке над светлой водой.
Озирис ему передал трон,
А Сэт,
Сын Нёт,
Осужден,
Яркий свет

Живет,
В том закон.
Да смогу я пройти.
И войти,
Без помех на великом пути.
Я вхожу, я судим,
Там, где души идут.
Грех? Расстался я с ним.
Зло? Прошло. Кончен суд.
Вам божественность чья
Сторожит этот вход, –
Песнь моя!
Вот и я
Здесь – как вы. Заглянуть
Дайте дальше мне, дальше в Дворец Бытия.
Днем я шел,
Я прошел
Полный путь.
Я поспел,
Овладел
Я собой
Перед Богом Зари Огневой.
Хоть в могиле вся тленность моя,
Победил я врагов. Где Змея?
Ибо ласточка, ласточка я.

ГИМН ЗАХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Отшедший сказал:

Хвала тебе, Ра, хвала тебе, Тэм, светило ночное
В пути лучезарном твоём.
Ты взошел, и игра твоей силы над днем,
И вечернее море твое золотое.
Так красивы, пред тем как огнистая мгла.
На черте горизонта, в Аменти, в покое,
На вершинностях Ману, тебя обоймет,
Так красивы, что сердце в восторге поет:
О, хвала тебе, Ра! О, хвала! О, хвала!
Богиня твоя, с змеиным убором,
С сияющим взором,
Богиня твоя – за тобой,
Богиня твоя с сияющим взором,
С змеиным убором,
Богиня твоя – за тобой.
Море один огнеблещущий пир.
Мир тебе, мир!
Мир тебе, мир!
Ты сливаешься с Оком всезрящим, –
Соколиный Горуса Глаз, –

Ты скрываешься в месте спящем,
Там проводишь свой тайный час.
И зиждительный Горуса Глаз
Дает тебе новую силу,
К амулету кладет на тебя амулет,
Ты живешь, тeneвую оставив могилу, –
Вот он, свет!
Ты плывешь в Небесах, и Земля – на устое,
Ты в верховное Небо, в лазоревый скат,
Уплываешь, Светильник, жерло золотое,
Два край-образа блесками Солнцу кадят,
Златоликого славят Восток и Закат,
День за днем,
И великие Боги Аменти сияют,
Упиваясь небесным огнем,
Сокровенности – чтут тебя, древности силу твою охраняют,
Божества горизонтов двух разных сторон
На Закатной черте и на грани Восточной,
В час урочный,
Через весь тебя мчат голубой Небосклон.
Души в бледном Аменти кричат тебе: Сила,
Жизнь, Здоровье! Хвала Огнеблеску! Хвала! –
Мать Изида, что любит и вечно любила,
Обнимает лучистого сына, светла.
Ты встаешь, ты – живой, в дымно-темном портале,
Твой отец две руки простирает во мгле,
Поднимает тебя, ты в текучем опале,
Ты горишь, ты глядишь, Божество на Земле.
Ты не спишь при заходе, в нагорностях Ману.
Благосклонно ко мне, о, Горящий, склонись,
Да оваян твоим огнесветом предстану
Пред владыкой владык, тем, кто есть Озирис.
О, блистательный в ужасах, страхом овитый,
К горизонту Аменти склонившийся взор.
Не покинь меня в страхах, мой Бог Златолитый,
В Преисподней, меж пеплов, багряный костер!

МЕКСИКА

ВОСКЛИКНОВЕНЬЯ БОГОВ И БОГИНЬ

1. ПЕСНЬ ВИЦТЛИПОХТЛИ

Я Вицтлипохтли, Боец.
Нет никого, как я,
Я исторгатель сердец.

Желтоцветна одежда моя,
Из перьев цвета Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

Я Вицтлипохтли, Боец.
Как колибри, пронзаю даль.
На мне изумрудный венец,
Из перьев птицы Кветцаль,
Венец травяного Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

Человек из облачных стран
Кровавость узнал чрез Бойца,
Алость цветистых ран
На бледности хладной лица.
Отнял я ноги ему,
Человеку, что любит тьму.

Среди людей Тлаксотлан
Бросает он перья-пожар,
Бросает он зарево ран,
Боец, чей меток удар.
Войну Победитель людей
Несет меж порханий огней.

Бог людей Тлаксотлан
Страхом наполнил сердца,
Пыль встает, как туман
Крутится волей Бойца.
Крутится пыль столбом,
Дымом встает с огнем.

Наши враги Амантлан,
Собери их, сberi их сюда,
Увидит их вражеский стан,
Как близок к ним враг и беда.
Собери их скорее в их дом,
Чтоб там осветить их огнем.

Наши враги Пипитлан,
Собери здесь скорее их всех,
Будет им праздник дан,
Радость бранных утех.
Собери их скорее, сberi,
Свет увидят огнистой зари.

Нет никого, как я,
Я, Вицтлипохтли, Боец.
Желтоцветна одежда моя,
На мне изумрудный венец,
Цвет колибри, лесов и Огня,
Ибо Солнце вошло чрез меня.

2. ПЕСНЬ СО-ЩИТОМ-РОЖДЕННОГО И ВЛАДЫЧИЦЫ ЗЕМНЫХ ЛЮДЕЙ

Со щитом он от девы рожден,
Вождь, чьи сильны полки,
Был выношен девою он,
Чьи удары – с левой руки.

Утренний храм мела,
Не знала, что будет с ней,
Не ведала, как зачала,
И стала Царицей людей.

С Неба, чей свод высок, –
Как луч из-за вышних скал, –
Из перьев блестящих клубок
В девичье лоно упал.

С копьем, со щитом был рожден
Боец, чьи движенья легки,
Был выношен девою он,
Кто так меток с левой руки.

На нее, Коатликуэ,
Устремился вражеский клич,
Но в огненной он змее
Обрел оскорбителям бич.

Четыреста Южных он
Низверг словно воды рек,
Встал за деву, кто девой рожден,
На горе Коуатепек.

Когда он раскрасил щит,
И краски явил лица,
Был грозен цветистый вид,
Победительный вид Бойца.

И тешился в бранной игре,
Кто за мать свою деву встал.
Врагов на Змеиной Горе
Как камни он всех разметал.

3. ПЕСНЬ ЖЕЛТОЛИКОГО

(Бог Огня)

В Тцоммолько, в пылающем храме Огня,
Отвергну ли жертву во имя меня?

Жрецы, удержу ли ее,
Что возникла во имя мое?

Во храме литавры стенания шлют,
Из раковин рог, и свирели поют,
И маска за маской идет,
Ряды нарядилися – вот.

И Тцоммолько – там слышно, что песнь началась,
В Тцоммолько певучий означился час.
Чего ж не приходят они?
Чего ж не усилят огни?

В Тцоммолько мне жертва должна быть дана,
От жертв человеческих воля сильна.
Уж Солнце над миром взошло,
Пусть кровь изольется светло.

В Тцоммолько уж песня коснулась конца.
Без всяких усилий достиг он венца.
Немного пришлось ему ждать,
Ворожит его благодать.

О, малая, ты, чей туманен дворец,
Но кто огневзорный готовит венец,
Да будет увенчан тобой
Бог желтый и бог голубой.

4. ПЕСНЬ ОБЛАЧНЫХ ЗМЕЙ

(Бог Севера, Бог Охоты)

Из Семи Пещер он возник,
Из Семи тайников теней.
Явил быстроглазый свой лик
В стране Колючих Стеблей.
Из Семи изошел он Пещер,
Чей глубинен туманный размер,
Из Семи изошел он Пещер.

Я сошел, я сошел,
У меня копьё с шипом,
Из стеблей колючих сплел
Я копьё с острием.
Я сошел, я сошел.

Я сошел, я сошел.
А со мною сеть,
Я ее искусно сплел.
Будет кто-то в сети млеть.
Я сошел, я сошел.

Я хватаю, я схватил,
Я хватаю, я беру.
Из Семи пришел Могил,
И хватаюсь за игру.
Я хватаю, я схватил.

5. ПЕСНЬ БОГИНИ ЗЕМЛИ

Орлица, орлица, раскрашена кровью змеиной,
Могучая птица, с короной из перьев орлиной.
Густой кипарис, для Чальмекского края охрана,
Проворный Олень, копыеносица Койоакана.
Маис перед ней – как раскинутый стан.
Рокочущий с ней барабан.

Колючку агавы, колючку агавы держу я,
Колючку агавы держу наготове, ликуя,
На Божеском поле, вот здесь, для работы со мною
Ударная палка, трещотка и палка с метлою.
Маис предо мной – как раскинутый стан,
Гремящий со мной барабан.

Тринадцать Орлов – прозывается Мать Человеков,
Тринадцать Орлов – боевая богиня Чальмеков,
Из стебля с шипами копые приготовлено мною.
Задыбились перья, я вся приготовилась к бою.
Олень отточил и наметил рога.
Он ждет появленья врага.

Забрезжилось утро, приказ боевой отдала я,
Забрезжилось утро, заря заалелась живая,
Пусть пленных сюда привлекают мне, как жертве на служенье,
По целому краю пожаром пройдет разрушенье.
Орлиные перья – убранство мое,
На битву, я славлю ее.

6. ПЕСНЬ БОГИНИ РОЖДЕНИЙ

Перед Богинею, в томленьи,
В ее Божественном владеньи,
На черепаховом сиденьи
    Беременная родила.

Перед Богиней, в устремленьи,
В ее возвышенном владеньи,
На черепаховом сиденьи
    Она ребенку жизнь дала.

Выйди, выйди, торопись,

Выйди, милое дитя,
Светом ранним засветись,
Будь как перышко, блестя,
Нежным жемчугом зажгись
Глянь, как звездочка светя,
Выйди, выйди, торопись.
Торопись, торопись.

7. ПЕСНЬ БОГА ЦВЕТОВ

Где пляшут, танцуют, поет там Кветцалькокскокстли.
Расцветная птица ликует, лучи снизошли.

Бог Маиса в ответ
Шлет певучей привет.

Огнистая птица поет и трепещут листки,
Лучистые пляшут, как бы огоньки, мотыльки.

Цвет алый разлит,
Бог Маиса горит.

Бог Сумерек песню мою всю расслышит сполна,
И Богу Земли эта звучная песня слышна.

Бог Маиса поет,
Звук сияющий льет.

Айао, айао, айао! Звук песни моей.
Внемлите, айао, внемлите, о, Боги Дождей.

Бог Маиса цветной
Ныне хочет домой.

Айао, айао, айао! Приди же в свой срок,
Айао, Бог Влаги, приди же, будь ближе, Тлалок.

Бог Маиса цветной
Ныне хочет домой.

Под звуки паденья, под звонкое пенье дождей,
Пришел Бог Маиса к скрещенью великих путей.

Куда мне теперь промелькнуть?
Какой же я выберу путь?

Айао, айао, айао! Скажи мне, Тлалок.
Домой ухожу я, айао, брось в капле намек.

Бог Маиса, уйдя,
Выйдет к брызгам дождя.

8. ПЕСНЬ БОГИНИ МАИСА

Богиня Семи Изумрудных Змей,
Богиня Семи Зернистых Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.

Ибо ты, наша мать, в свой уходишь дом,
В Тлалокан, где все скрыто дождем,
Возвращайся, мы ждем.

Воротись, Семизмейная, к радостям дней,
Пробудись, наша Матерь Семи Стеблей,
Поднимись, пробудись скорей.
Ибо вот ты уходишь – пока прощай –
В Тлалокан, в свой родимый край,
Снова к нам, поспешай.

9. ПЕСНЬ БОГИНИ ЦВЕТОВ И ЛЮБВИ

Из страны дождей, тумана,
Из страны Тамоанчана.
Я, Ксочикветцаль,
Роза-изумруд,
Я, Ксочикветцаль,
Прихожу сюда,
Там цвету и тут,
Искрюсь, как звезда,
И светлеет даль.

Прихожу я и гляжу,
Вновь на Запад ухожу,
В царство красного тумана,
И дождей Тамоанчана,
На великую межу.

Плачет нежный Ксочинили,
Бог агав, и трав, и лилий.
Где Ксочикветцаль,
Роза-изумруд?
Где Ксочикветцаль?
Там, где мощный ствол,
Где цветы растут, –
Кровью изошел,
Где горит печаль,
В мир гниения и тьмы
Ухожу по края зимы,
Бог Цветов и Царь Расцвета
Поманит меня на лето,
Выйдем к травам вместе мы.

10. ПЕСНЬ БОГА ПУЛЬКЕ

(Бог Пьянящего Сока Агав)

В Койоакане, где дышит внушенье
Смутного страха и в страхе – почтенья,
Обрел себе родину Царь,

Обрел он ее еще встарь.

Бог во дворце Тецкатцонко, мы знаем,
Жаждущим свежий был Бог раздаваем.
Тут с шепотом плакал Огонь:
Не надо, шептал он, не тронь.

Бог во дворце Аксаляко, мы знаем,
Жаждущим свежий был Бог раздаваем,
Шептал тут и плакал Огонь:
Не надо, не надо, не тронь.

11. ПЕСНЬ БОГА ЗЕМЛИ

О, Ночной Испиватель
Освежительной пульке, той крови созревших агав,
Свой покров золотой, надевай же скорей, Замедлятель.
Дождь пошли нам для трав.

Брызжет влага живая,
Словно птица Кветцаль, изумрудом горит кипарис,
И зеленою стала змея, что была золотая,
Да сияет Маис.

Драгоценных камней
Целый ток. Чу! Напев. Это юный Маис шелестит.
Может быть, я уйду, я под землю уйду для забвений.
Так приму новый вид.

Чальчивитлю подобны,
Изумруду подобны теперь – мое сердце, мой сон.
Но я в золото там наряжусь, кину сумрак загробный
Вождь несчетных рожден.

Дай, Властитель, избыток,
Ибо стебли Маиса глядят на высокий твой склон.
Буду счастлив, когда я налью тебе свежий напиток.
Бог Дружин, ты рожден.

12. ПЕСНЬ БОГА ОБНОВЛЕННЫХ ПОЛЕЙ

Цветок, мое сердце, раскрылся,
Властелин полночной поры.
Лик Матери нашей явился,
Царицы любовной игры.

Йоалле, оайя, овайя,
Йянтата, айяв, тилили.

Бог Маиса – в Чертоге Рожденья,

Происхожденный Дом,
Он в месте, где травам – цветенье.
Он в дне, что отмечен цветком.

Йянтата, айяо, айяве,
Оайяве, айяв, тилили.

Бог Маиса родился – где реки
Алой дымки и свежих дождей,
Где детей создают человеки,
Ловят рыб-драгоценных-камней.

Ийяо, йянталя, йянтанта,
Айяо, айяв, тилили.

Заря уж на розовой воле,
Вот, краски блеснут на листьях,
И души, те птицы-Квечоли,
Вкушать будут мед на цветах.

Йяеталя, йянтата, айяо,
Оайяве, айяв, тилили.

Изумруды Кветцялякоатля,
Цветоносного Бога Ветров,
Змеестебли Кветцялякоатля,
Краски, павшие вниз с облаков.

Йянталя, йянтанта, айяо,
Айяо, айяв, тилити.

Что за радость – деревья в расцвете,
Там души блаженных поют,
Квечоли в невянущем лете,
Их стрелы ничьи не убьют.

Приношу я цветы расписные,
Златые Маиса цветы,
И белые, снежно-живые,
Оттуда, где дышат листья.

Танцуем, танцуем, танцуем,
Закрутился цветной хоровод,
Если в пляске мы с пеньем ликуем,
Бог Камней Драгоценных сойдет.

Несет он цветы молодые,
В край закатности, Тамоанчан,
И перья на нем – золотые
И вокруг него алый туман.

Заглянем, – о, сердце боится! –

Бог Маиса пришел или нет.
Бирюза мне в запястьях снится,
И в серьгах бирюзовый расцвет.

Он грезит, он в грезе, глядите,
Он в дреме, он спящий, он спит.
Какие цветистые нити,
Как тихо Маис шелестит!

13. ПЕСНЬ БОГА МУЗЫКИ И ИГРЫ

Я оттуда, где сломанный ствол
Алой кровью своей изошел,
Я из места, где дышат цветы,
Властелин багрянца, темноты.

И оттуда ж праматерь моя,
От закатного дня бытия,
Я жрец огневых облаков,
Мне имя есть Пять Цветков.

Вицтлипохтли, Гонитель знамен,
С ним Дразнитель двух вражьих сторон
Ныне Богу Маиса должны
Дать отчет о причинах войны.

На горе Микскоатль для меня
Уж готовятся брызги огня,
Пробуравлю я путь для него,
Чтобы пел он свое торжество.

Я в два круглые зеркала бью,
Создаю так напевность мою,
И зеркальная песня моя
Вся из бронзы – в ней воля и я.

МАЙЯ

НАЧЕРТАНИЯ ЦАРИЦЫ МАЙЕВ

(Паленке)

1. ЦАРИЦА МАЙСКАЯ

Лезвием орудия Ваятель

Высечет чашу там,
Чашу, да,
Урну-Луну иссечет, Лунного Года.
Будет она как бы лунной преградой.
Круглою дверью в тайник,
Да защитит лезвием себя сердце,
Она,
Урна-Луна,
Будет основой малым камням, сочетанным в узорность,
Камешкам, яйцам птиц.
Тонкое высечет там острие
Голову,
Нежно украшенную
Жемчугом, нитью жемчужин, нанизанных
Против глядящего глаза.
Где разобью я забвенье,
Памяти дав оплот, –
Ибо ваяет он, как говорят,
Изгибы, в которых забвенье забыто, –
Раскрою я Книгу Святых Начертаний,
Мудрости Книгу и Знания.
О, зачаруют они, обольстят,
Очертанья моей головы яйцевидной,
Околдуют пленившийся взгляд!
Да, лезвие инструмента поведает
Знание Священных Письмен.
Камень оно иссечет.
Тайную силу свою
Явит оно,
Сокровенную, –
Там!

2. ГОЛОВА И РУКА

Но, возглашая сущность ваяния, –
Власть опьянять, зацеплять, уловлять,
Подобно тому, как крюк
Ловца жемчугов
Уцепляет, срывает жемчужную раковину,
В которой скрыта услада шеи, забава руки, –
О самой основе ваяний, о их существе,
О причине могущества их –
Я говорю.
Часть лица маленькой девочки,
Основой ваяния,
Я хочу.
Голову, как изваяние,
Голову милую, нежную,
С застенчивой, трепетной прелестью детства, –
Я хочу.
С головой, чуть склоненной изгибами шеи,

Я хочу – волоса.
Я хочу, чтоб рука, прикасаясь,
Отделив, удлинняла
Прядь волос.
Руку с кистью руки –
Я хочу.
Чтоб рука, зацепляя, утягивала
Голову, словно ее заставляя вернуться.
Это – хочу.
И хоть знак, возвещающий и, столь жалко извит.
Точно согнутый тростник,
По краям с жемчугами,
Этот изгиб –
Я хочу.
Я хочу, чтобы этот тростник перегнутый, с жемчужинами,
Был изваян с моим изваяньем, вошел в мой лик,
Был пред взором моих очей,
На вершине лица моего.
Между тем как хочу, чтобы лик мой
Дал мне власть опьяняющую –
Недобрую власть, быть может?
Причину слез, кто знает? –
Лик маленькой девочки, нежной,
Изваянный –
Я хочу.
Руку Царицы, созданную,
Чтоб носить жемчуга,
Голову девочки нежной, застенчивой,
Чья прелесть стыдливая
Напоминает детство народа – ловца жемчугов,
Причину и тайнооснову могущества наших ваяний
Я возглашаю –
Здесь.

НАЧЕРТАНЬЯ МАЙСКОГО ВАЯТЕЛЯ.
СЛОВО О СЛОВЕ

(Коршун и смерть)

Вспенился круговорот шипений,
Смерть отошла,
И с ней горделивый шершень жужжащий,
Комар, что трезвонит и жалит.
Но бессилен обидеть, не властен прожечь, обесславить.
Навсегда он вне веденья тайны Священных Письмен,
Вне уловленья сокровенного смысла
Ликов воленья Луны,
Что причинно рождает
Отдаленный гул Океана,

Вне понимания знамений
Океана, чей гул опьянит, околдует грядущие дали,
Вне познания величия лика
Современно-древнего помысла.
Да не промолвит язык его
Древнее слово Минувшего,
Здесь сокрытый глагол: –

Луна влияет властью сокровенной, –
Влиянием таинственным и сильным
На рокот отдаленный Океана.
Вот почему явил я лик ее
Здесь в раковине-урне иссеченной.
Ее явленье в лике Новолунья
Чрез 20 воплощается и 20,
Дней и минут. Вот почему легко
Я ряд свой нахожу, свой месяц полный
С его двадцатидневьем круговым.

На Юг он ушел, птицеликий.
Пусть как крот взрывает там землю,
Пусть округляется, обогащается,
Если клюв его место свое будет знать.
Это случилось назад тому 3, 5 и 7,
И еще 9, 5 и 1,
То есть 15 месяцев.

Никогда Птичий Клюв, никогда
Не овладеет наукой,
Искусством Священных Письмен.
Эти камешки там, голыши,
Вот этот метательный камень,
Который кладут в пращу,
Эти наложенные,
Сочетанные камни-гроздь,
Ожерелье таящихся знаков,
Священный срыв,
Неосторожному – пропасть.
Да не рассеет он путы.
Да спутает смысл,
Не озаривши их сеть изъясненьем.
Да извратит он пути толкованья,
И эти камешки станут когтями: –
Здесь вот – ударится он,
Дальше – оступится.
Речь эта – узел;
Слово – изгибно;
Оно, извиваясь, выводит свод:
Гору дробит,
Крошит ее в мелкие камешки;
Расходится в разных извилинах;
Оно уходит, оно возвращается;

Оно преломляется;
Свито, скручено, сжато;
Четкое, резвое, тонко-перистое;
Нераздельное, сплоченное;
Устремленное в беге, округлое;
Врата, что легко пройти,
И упор каменистой пустыни;
Эта речь ускользает, жеманная,
Она – искривленье гримасы;
Она – вся привет, веселящая;
Горькая вкусом, крепит;
Сладкая, миротворит;
Свеже-холодная; жгучая, жжет, сожигает;
Небесно-лазурная, водная;
Тихая, тишь, глубина;
Смелая, смело-красивая;
Меткострельность глаголющих уст, копье.
Она – боязливая лань,
Проворный олень лесной;
Куропатка полей, что бежит;
Голубка, что пьет и пьянится ручьями,
Волнистой одеждой земли;
Пасть пумы, что встала.
Нависла вот тут;
Пустыня безводная;
Ливень внезапный,
Который идет уменьшаясь;
Хрупкая чаша из глины,
Едва – из горнила, падает, в крошки рассыпалась;
Тыква, ведро, водоем;
Свежий колодезь – жаждущему;
Колющий лист, лист уютно-тенистый;
Гвоздочек, что держит, удерживает;
Повторная белость зубов, что созвучно дробят, растирают;
Развилистость вил; перекладина, дерево казни;
Забота, ларец берегающей памяти;
Кладовая лелейного сердца;
Голова и нога, верх и низ – это слово;
Что начинает, и то, что кончает;
От разрушенья оно отвращается,
Тленья уходит,
Здесь завершает свое нисхождение.
Древняя эта речь,
Сокровенная,
Целомудренная,
Вовеки Царица – Царевна.
Эти малые, круглые камни прибрежные,
Здесь – шумы морские глаголящие.
Там – в завершенной безгласности;
Плещут здесь, там – молчат;
Они – Бездна, Волна без конца;
Потопление неосторожному,

Будь он крылья! Прилив! Берегись!

ПЕРУ

ГИМН К СОЛНЦУ

Песнь хоровая

И н к и

Душа Вселенной, о, ты, что сверху,
Не остывая и не скудея,
Волной бессменной струишь сиянье,
И греешь Землю, наш мир лелея,
Прими, о, Солнце, в рожденьи дней
Хвалы и пенье твоих детей.

Ж р е ц

О, Царь, чей вышний трон на огненной черте,
Кем светел Небосклон, кто вечен в красоте,
Кто так воздушно-юн в лазурной высоте!

Когда в седирах мглы, и в золотой пыли,
Ты глянешь, – тьмы завес бледнеют, и ушли,
Ты красота Небес, и ты любовь Земли.

Что сделалось с толпой сияющих огней,
Что светят бахромой на черноте ночей,
Их погасил один из всех твоих лучей.

Когда бы на ночь ты – не уводил свой свет,
То был бы звездный прах так пламенем одет,
Что было б в Небесах – как будто звезд там нет.

Д е в у ш к и

Услада Мира! Лик красивый!
    Всепобедитель вышины!
Как быть должны они счастливы,
    Твои супруги, в час, как сны
У них растают от касаний
Твоих живых очарований.

Твое присутствие – пожар,
Подруги Светлого – румяны.
В беседке Ночи, полной чар,
Отдернут полог снов багряный,
И первый твой увидев взгляд,
Все в мире пропасти горят.

О, как должна была Природа
Светиться в тот единый час,
Когда на круге Небосвода
Ты загорелось в первый раз!
Воспоминание об этом
В ней каждый день встает, со светом.

О, каждый день, когда с зарей.
Ты торжествуешь праздник алый,
Проходит дрожь над всей Землей.
Горят рубины и опалы.
Как будто дочь ждала отца
И дождалась – с огнем лица!

Ж р е ц

Душа Всемирности! Без яркости твоей,
В замену пирности, мир был бы мир теней,
Была бы мертвою раскинутость морей.

Не будь тебя, Земля была бы вязкий ил,
Безмерный Океан свинец бы тяжкий лил,
Эфир бы стал туман, весь Воздух – мгла могил.

В Стихии ты проник, прильнул как губы к ним,
И твой увидя лик, стал Воздух подвижным,
Волна – певучею, весь Шар Земли – живым.

Вмиг стало все душой, как пар – расплылся мрак,
Туманность мглы ночной как алый стала мак,
Стихии в четверной вступили светлый брак.

Огонь волне поет и ей целует грудь,
Волна как пар встает и в Воздух держит путь,
А Воздух, разомлев, к Земле спешит прильнуть.

Земля чреватее, приявши семена,
Дает плоды любовь, спит в Осени Весна,
Всемирность вновь и вновь тобою зажжена.

И н к и

Душа Вселенной! О, Солнце! Пламень!

Красот создатель – один ли ты?
Иль довременной какой причины
Ты только вестник нам с высоты?

Коль послушаешь своей лишь воле,
Прими признанья от всех сердец.
Коль исполняешь закон верховный,
В тебе да слышит и нас – Творец.

Домчи лучистость обетов наших,
Молений утра в начальный час!
Лучи – твой голос, ему ты скажешь, –
Ты – самый яркий, ты – он для нас!

Н а р о д

Душа Вселенной! Отец отцов!
Властитель властных! Огонь вождей!
Свети нам, Солнце, века веков!
Злати, о, Солнце, своих детей!

ВЛАДЫЧИЦА ВЛАГИ

О, Царевна,
Брат твой нежный
Твою урну
Проломил.
Потому-то
Так гремит он
В блеске молний
В высоте.
Ты ж, Царевна,
Ты уходишь,
И из урны
Дождь струишь.
А порою,
Град бросаешь,
Устремляешь
Белый снег.
Потому-то,
Зодчий Мира
Сохраняет
Жизнь тебе.
Потому-то,
Мир творящий,
Дух безмерный –
Жив в тебе.

ОТРЫВОК ИЗ «ОЛЛЯНТАЙ»

(Перуанская драма времен Инков)

ТУЙЯ

Песня

На поле Царевны,
О, Туйя,
Есть строгости гневны,
О, Туйя.
Маиса златого,
О, Туйя,
Блюдут там сурово,
О, Туйя.
Колосья зернисты,
О, Туйя,
И зерна душисты,
О, Туйя.
Зовут спозаранка,
О, Туйя,
Но есть там приманка,
О, Туйя.
Маис утоляет,
О, Туйя,
Но клей прилепляет,
О, Туйя.
И ногти сломлю я,
О, Туйя,
Тебя ж изловлю я,
О, Туйя.
Чтоб быть не мятежным,
О, Туйя,
Поймавши быть нежным,
О, Туйя.
Вон ястреб убитый,
О, Туйя,
Он к ветке прибитый,
О, Туйя.
Где перья, зеницы,
О, Туйя?
Где сердце той птицы,
О, Туйя?
Он был четвертован,
О, Туйя,
Был здесь околдован,
О, Туйя.

Близь этого поля,
О, Туйя,
Для всех эта доля,
О, Туйя.

ДВЕ ПТИЧКИ

Песня

(«ОЛЛЯНТАЙ»)

Вот две птички, дружны,
Отчего же так печальны?
Оттого что дали снежны,
Ветки мерзлы и хрустальны.
Так на ветке обнаженной
Неуютно, холодно им,
Он сказал тогда, влюбленный:
«Есть же области со зноем!
Полечу и отыщу я.
Подожди меня, подруга».
День и ночь ждала, тоскуя.
Ночь и день. Лишь воет вьюга
И подруга начинает
Песню ласки и печали:
«Где ты? кто об этом знает?
Может, реки? Может, дали?
Реки лдяные безмолвны,
Дали скрыты мглою вьюжной.
Где твой голос, неги полный?
Где твой зов-напев жемчужный?»
Сорвалась, тоскует, ищет,
На шипы летит, не видя.
А свирепый ветер свищет,
И рычит в глухой обиде.
«Где ты? сердце ужаснулось!»
Птичка тщетно вопрошает.
Вот споткнулась, пошатнулась,
Вот упала, умирает.

КОНИРАЙЯ

Перуанская легенда

Конирайя, Создатель вещей,
С золотыми кудрями,

С голубым сияньем очей,
Как нищий любил проходить меж людей,
Весь в лохмотьях, знакомился с бранью, с пинками.
Ковиллака была, красота,
Весеннего легче листа,
Он влюбился в нее, в чаровницу.
Он из семечка вылепил плод,
И в весеннем саду превратился он в птицу,
Прилепил его к дереву плодовому, ждет.
Вот пришла Ковиллака. Как нежно-зелёно
Все в саду. Села к дереву. И ждет.
А чего? Вдруг под птицей срывается плод.
На девичье падает лоно.
Взяла она, съела. Округлость светла
Плода золотого.
И вот красота зачала, понесла,
И вот родила. Как все странно и ново!
Тринадцать сменилось лун. Это – год.
Дитя так красиво, так в смехе жемчужно,
Все Боги собираются. Выяснить нужно,
Кому же отцовская тяга падет.
Весь люд созывается, те, кто богаты,
И те, кто красивы, и те, кто горбаты,
И старцы и юноши сбились гурьбой,
И даже пришел Конирайя с толпой,
Весь грязный, в лохмотьях. Никто из громады
Отцом не признал себя. Значит, пускай
Ребенок к толпе обратит свои взгляды,
И сыщет отца. Ну, дитя, выбирай.
Ребенок сейчас, не явив колебаний,
Подполз к Конирае, прижался к ногам.
Смутясь, Ковиллака, среди горьких стенаний,
Бежала. Но вдруг, по седым облакам
Потоки сияний возникли – вон там,
И тут на земле. Это в алом тумане
Открылося Солнце, в одеждах золотых.
Дитя превратилось в тучку. К пределам
Небесным ушло. Ковиллака же – белым
Явилася камнем меж злаков густых.
Тот камень – красивый. Но мертв он и тих.

ХАЛДЕЯ

АККАДИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Семеро, они рождаются там в горах Запада;

Семеро, они вырастают в горах Востока;
Они сидят на престолах в глубинах Земли;
Они заставляют свой голос греметь на высотах Земли;
Они раскинулись станом в безмерном пространстве Небес и Земли;
Доброго имени нет у них в Небе, ни на Земле.
Семь, они поднимаются между Западных гор;
Семь, они ложатся в горах Востока, для сна.
Семеро их! Семеро их!
Семеро их в глубочайших тьмах Океана,
В сокрытых вертепах.
Они не мужчины, не женщины,
Они простираются, тянутся, подобно сетям.
Жен у них нет, и они не рожают детей;
Благоговенья не знают они, благотворенья не знают;
Молитв не слышат они, нет слуха у них к мольбам.
Гады возникшие между гор,
Владыки великого Эа.
На больших проезжих дорогах,
Препоной вставая, ложатся они на пути.
Враги! Враги!
Семеро их! Семеро их! Семеро их!
Дух Небес, ты заклони их!
Дух Земли, ты заклони их!
Они – день скорби, они – вредоносные ветры;
Они – злополучный день, истребительный вихрь, который идет перед ним;
Они – порождение мщенья, чада, исчадия мести;
Они – глашатаи страшной Чумы;
Они – орудия гнева Нингал;
Они – пылающий смерч, который свирепо бесчинствует;
Они – семь Богов безызмерного Неба;
Они – семь Богов безызмерной Земли;
Они – семь Богов огненных областей;
Семь Богов, семь их число;
Они – семь зловредных Богов;
Они – семь гениев Ужаса;
Они – семь злых привидений Пламени;
Семь в Небо, семь на Земле;
Злой Демон, Злой Дух, Злой Алал, Злой Гигим, Злой Тэлал, Злой Бог, Злой Максим.
Дух Небес, заклони их!
Дух Земли, заклони их!
Дух Ниндара, сын Небес огневых, заклони их!
Дух Сугус, владычицы стран, что ночью горят, заклони их!

АССИРИЯ

ПСАЛОМ АССИРИЙСКИХ ЦАРЕЙ

С жертвой стоящему,
Владыке Ассура,
Боги Ассирии
Да ниспошлют благосклонно,
Ему и народу его,
Великому царству Ассура,
Дела справедливости,
Радости сердца,
Реченья оракула.
Далекие дни,
Вечные годы,
Сильное оружие,
Долгую жизнь,
Многие дни почестей,
Господство над всеми царями,
Ниспошлите царю.
Дайте владыке,
Здесь ныне стоящему,
Пред своими богами.
Бог, ниспошли
Царству его
Жителей многих,
Увеличь, умножь их число.
Да окончит он жизнь хорошо,
Да правит царями,
Да владеет он царством народов,
Да достигнет преклонного возраста.
В свершение этих желаний,
Да воздвигнется холм серебра,
Да стоят высоко алтари,
Да будут навек благосклонны
К великому царству Ассура
Могучие боги Ассирии.

КЛИНОПИСЬ ДЕЯНИЙ

1

САРГОН

Саргон, волей правящий Бэла,
Жрец Ассура,
Возлюбленный Ану и Бэла,
Царь мощный. Царь воинств,
Царь Ассирии,
Царь четырех четвертей,
Любимец великих Богов,
Законный пастух,

Кого предызбрали Ассур с Мирри-Дуггой,
И имя кого есть воззвание к большим деяниям,
Могучий свершитель, бесстрашный,
Опоясанный ужасом.
Который, дабы ниспровергнуть врага,
Руки свои устремляет вперед,
Воитель достойный,
Для которого с первого дня воцарения, –
Враг-сопостязатель,
Завоеватель,
Или, какой-либо царь супротивник –
Не возник,
Он, Саргон,
Кто от восхода Солнца,
И до заката Солнца,
Все страны завоевал,
И в царстве Бэла был царь.

2

НЭБУКАДНЭЦАР ВТОРОЙ

Издревле,
От старинных дней,
До воцарения
Царя Вавилона,
Чье имя – Набуполассар,
Что был мой отец, мой родитель.
Цари до меня,
Которые многи были,
И которых верховный Бог,
По именам их, на царство призвал.
В городах, что им дороги были,
Созидали дворцы,
Пребыванье свое устанавливали,
Владенья свои
Нагромождали
Там.
С той поры, как меня
Мирри-Дугга создал на царство,
И Набу, сын его верный,
Мне доверил свои владенья, –
Как лелею я жизнь мою,
Так любил я их яркий образ,
Вавилон и Борсиппу воздвиг я,
С ним рядом не создал красивых других городов.
В Вавилоне, который люблю,
В граде моих услад,
Основанье дворца заложил я,
Дом этот диво людей.
Наслоив кирпичи к кирпичам

И скрепивши их горной смолой,
Я вознес его ввысь, как гору.
Кедры для кровли его,
Могучие, распространил.
Двери из кедра,
В рамах из меди,
Пороги и ручки дверные из меди,
Установил!
Серебро, золото,
Драгоценные камни.
Все, что было ценного, пышного,
Имущества, сонмы владений,
Блеск восходящий
Нагромоздил.
Могучие клады,
Сокровища царские,
В лучистость единую
Соединил.

3

АССУРНАЗИРПАЛ

В царство мое, при начале,
В первый мой год, как Самаш, Судья Мира,
Благосклонно простер на меня
Свое покровительство,
И со славой меня посадил
На престол моего царения,
И скипетр, что правит народами,
В руки мои поместил,
Я собрал повозки мои и войска,
И дорогами трудными,
Через горы крутые,
Что для прохожденья повозок и войск
Приготовлены не были,
Я поход совершил,
И в край Нумми пришел.
Укрепленный их город Либи.
И города,
Сурру, Абуку, Аруру, Аруби,
Что находятся в крае Аруни и в крае Этине,
Города укрепленные,
Захватил.
Силы их, в числах,
Избил.
Их добычу, имущество их,
И скот их,
Взял, угнал.
Воины их спаслись,
И заняли гору крутую,

Гора чрезвычайно была крута,
И за ними я не пошел.
Вершина горы вздымалась,
Как поднятый вверх острием
Железный кинжал,
И ни птица небесная,
Что летит и летает,
Не достигла ее.
Как коршун гнездо свое,
На горе укрепили они
Твердыню свою, оплот,
Куда ни один из отцов моих,
Ни один из царей не проник.
В три дня
Воитель на гору победно
Взошел,
Стойкое сердце его
Торопило на бой,
Ногами своими
Он взошел,
Опрокинул он гору вниз,
Он гнездо их разрушил,
Их толпу раздробил.
Две сотни людей боевых
Избил я мечом,
То что добыли они, –
Добыча тяжелая, –
Пошло предо мной как стадо овец,
Их кровью окрасил я горы,
Как алую шерсть.
Их города я разрушил,
Ниспроверг,
Сжег огнем.

4

МОЛИТВА НЭБУКАДНЭЦАРА ВТОРОГО
К МИРРИ-ДУГГ
ПРИ ВОСШЕСТВИИ ЕГО НА ПРЕСТОЛ

Без тебя, о, Владыка, что было бы
С царем, что ты любишь,
И чье имя воззвал?
Как тебе показалось угодным,
Ты выпрямил имя его.
Путь прямой ты ему даровал.
Я царь, что тебе повинуется,
Созданье твоей руки.
Ты мой создатель,
И верховенство над множествами,
Над великими тьмами людей,

Ты даровал – мне.
Сообразно с твоим милосердием,
Которого ты, владыка,
Простер над ними над всеми,
Наклони к состраданию
Твою вознесенную власть,
И страх божества твоего
В сердце моем укрепи.
Даруй мне то, что сочтешь для меня благим.

ИНДИЯ

ВЕДИЙСКИЕ ГИМНЫ

1. ИЗНАЧАЛЬНОСТЬ

В том изначальном не существовали
Ни Что-нибудь, ни темное Ничто.
Лазури светлой не было, ни кровли
Широко распростершихся Небес.
Что покрывала все? И где приют был?
Была ли там бездонность? Глубь Воды?
Там не было ни Смерти, ни Бессмертья,
Меж Днем и Ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало без дыхания везде.
Все было Тьмой, все покрывал сначала
Глубокий мрак, был Океан без света.
Единая пустынность без границ.
Зародыш, сокровенностью объятый,
Из внутреннего пламени возник.
Любовь тогда первее всех восстала
В Сознании, из силы сменной.
В свои сердца глубоко заглянувшим,
Открылось мудрым, что в Небытии
Есть Бытия родство. И протянули
Они косую длинную межу.
Там был ли Низ? Там был ли Верх? Там были
Даятели семян, там были Силы.
Внизу самодержавность Бытия,
Вверху протяжность мощная Пространства.
Кто знает тайну? Кто ее поведал?
Откуда Мир, откуда он явился?
Тех далее и Богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот Мир?

Откуда же Вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, Всезрящий,
Все видящий с небесной высоты.
Иль, может быть, и Он того не знает?

2. ГИМНЫ К АГНИ

Г и м н п е р в ы й

Я восхваляю Агни, божественного.
Свершителя жертвы,
Величайшего между даятелей светлых богатств.
Агни, который достоин быть восхваляемым
Древними Риши и новыми,
Да приведет он сюда Богов.
Да получит чрез Агни молящийся
Богатство и изо дня в день благоденствие.
Лучи, благодать.
Агни, какую бы жертву, какое бы благоговение
Ни окружил ты со всех сторон,
Они дойдут до Богов.
Агни, исполненный мыслей,
Верный и с именем самым блестящим,
С Богами приди к нам, Бог.
Что бы ты твоему почитающему
Ни захотел свершить доброго,
Агни, оно свершено.
Мы к тебе приближаемся день изо дня,
Агни, пресветлый во мраке,
Мы приходим с молитвой к тебе.
Ты царь всех молитв, почитаний,
Ты хранитель сияющих мыслей,
Возрастающий в доме своем.
Пребуди же, о, Агни, доступным для верных.
Пребуди как отец для своих сыновей.
Дай счастье.

Г и м н в т о р о й

Мы избираем Агни вестником нашим.
Всевладетеля, Агни, восклицателя жертвы,
Чья высшая мудрость светла.
Агни и Агни в воззваниях воскликнется,
Владыка племен, освящающий жертвы,
Любимый во многих сердцах.
Агни, возникнув, Богов к нам приводит.
На душистые травы, на травы Бархиса,
Досточтимый воззватель и жрец.

Пробуди их к желаниям добрым, о, вестник наш,
И с Богами воссядь на душистые травы,
Агни, готов вам Бархис.
О, ты, для кого возлиянья излиты,
Блистательно-яркий, гори против злого,
О, Агни, сжигай колдунов.
От Агни – путь к Агни, огонь зажигается,
Мудрец возникает, хозяин и юный,
Молитель, в ком жертвенный дух.
Восхвалимте Агни, чье мудрое слово
Достоверно, когда мы приносим здесь жертву,
Хваленья тому, кто сжигает недуг.
Будь к нам благосклонным, о, Агни, при жертве,
Будь милостив к нам, очиститель, тебя мы
Зовем к пиروvanьям Богов.
О, Агни, ты наш огневой очиститель,
Лучистый, Богов ты с собою приводишь,
И жертву святишь.

Г и м н т р е т и й

Достодолжно зажженный, о, Агни,
Привлеки к нам Богов, к человеку, богатому в жертвах.
И сверши, очиститель, обряд.
Сын самого себя, нашу жертву
Сделай богатою медом и ныне Богам предложи се,
О, мудрец, пусть пируют они.
Я возглашаю при этой жертве к возлюбленному,
К медоточивому изготовителю жертвенных яств,
Агни, будь возвеличен.
Привлеки к нам Богов сюда,
В колеснице подвижной и легкой,
О, лучисто-сияющий Агни.
Рассейте, разумные люди, в достодолжном порядке
Стебли жертвенных трав, с брызгами масла.
На них лик бессмертия зрим.
Да будут открыты врата божественные,
Чтоб сегодня мы жертву свершили,
Я зову к приношению жертвы красивых Богинь.
Ночь и Зарю призываю,
В их красивых уборах,
Чтоб могли преклониться они на стебли жертвенных трав,
Двух этих дивных взывателей,
Мудрых и сладкоречивых,
Я зову, да помогут нам.
Ила, Питающая, Сарасвати, Глаголющая, Маги, Великая, три,
Нам дающие радость Богини,
Изменить неспособные, сядут на стебли жертвенных трав.
Я зову сюда главного, всех упреждающего, Вселикого Тваштри,
Неземного Художника, дивного Плотника,
Да будет единый он наш.

О, древо, пусть жертва к Богам путь свой держит,
О, Бог, эти яства Богам мы приносим,
Да будет в сияньях даятель блестящ.

Г и м н ч е т в е р т ы й

Облекись в свой лучистый покров, Бог жертвы, Бог светлый,
Владыка какой бы то ни было силы,
И сверши этот подвиг для нас.
Сядь здесь, самый юный Бог, желанный наш Жертвовзыватель,
Сквозь молитвенность помыслов наших, о, Агни,
С словом своим дойди до Небес.
Если жертву приносит отец, достоверно
От него благодать устремляется к сыну,
От друга свет к другу идет.
Варуна, Митра и Ария
Да воссядут торжественно-пышно
На стебли жертвенных трав.
О, древний Взыватель,
Будь милостив к дружеству нашему,
И эти мольбы услышь.
Ибо где бы когда бы кому бы из всех Богов
Ни приносили мы жертву,
Через тебя ей путь.
Да будет он дорог нам, Владыка племени, радость дающий,
Избранник, да будем ему мы дороги,
В трепетаньи благого Огня.
Боги, – когда ими добрый владеет Огонь, обладает Агни, –
Радость жизни давали нам светлую,
И вами владеет, нам кажется, Агни благой.
Да будут меж нами хваленья взаимные, о, Бессмертный, бессмертных и смертных,
Со всеми огнями, о, Агни, Сын Силы, о, Юный,
Прими эту жертву и нашу мольбу услышь!

3. ГИМН К АГНИ И К МАРУТАМ

Я умоляю Агни,
Его, благословенного,
Милостивца я прошу с преклоненьями,
Да пребудет он здесь,
И да примет все то, что мы сделали.
Я являюсь как будто на быстрых конях,
Да смогу, обратившись направо,
Свершить этот гимн Марутам.
Вы, что приблизились
На блестящих своих скакунах,
На колесницах легких,
Рудры, Маруты,
Из боязни пред вами, о, страшные,
Даже леса наклоняются,

Земля дрожит,
И трепещут туманные горы.
При возгласах ваших,
Даже туманные горы растут, расширяются, в страхе
И взнесенности Неба дрожат.
Когда вы играете вместе, Маруты.
Вооруженные копьями,
Вы вместе бежите, как воды.
Как толпа богатых искателей,
Маруты тела свои
В золотые одели покровы,
Златыми украсив себя украшениями.
Как братья, где нет ни старших, ни младших,
Возросли они вместе для счастья.
Юн Рудра, их мудрый отец,
Преизбытком исполнена Пришни, их мать,
К Марутам благая всегда.
О, Маруты счастливые,
В высочайшем ли Небе вы,
Иль в срединном, иль в низшем.
Оттуда, о, Рудры, а также, о, Агни, и ты,
Преклоните свой взор
К возлиянию нашему.
Когда Агни и вы, о, Маруты богатые,
С высокого Неба стремительно мчитесь над высями вниз,
Дайте, коль это угодно вам,
Вы, ревуны, истребители вражеских сил,
Богатство тому, кто вам жертву приносит.
Сомы готовится сок.
Агни, испей с огневыми Марутами
Сомы, отведай ее,
Вместе с певцами Марутами,
Что близятся светлой толпою,
С теми, что все, озаряя, живут.
Сверши это, Агни, молю тебя,
Ты, который всегда озарен.

4. ГИМНЫ К МАРУТАМ

Г и м н п е р в ы й

Да будет ваш путь блистательным.
О, Маруты, о, Боги Грозы!
Благие Даятели,
Вы, как змеи сияющие,
Да будет ваш путь блестящ!
Да будет от нас далека, о, Маруты,
Прямо бьющая ваша стрела,
Да будет от нас далеко
Тот камень, что вы, швырнув, устремляете!

Пощадите, благие Даятели,
Свой верный народ, чтоб он мог неповерженный жить!

Г и м н в т о р о й

Вы спешите на каждую жертву,
Вы берете мольбу за мольбой.
О, Маруты проворные!
Дозвольте же мне, моими молитвами,
Привлечь вас сюда от Небес и Земли,
Для нашей защиты, для дней благоденствия!
О, вы, потрясатели,
Рожденные в Мир за тем,
Чтоб влагу и свет приносить,
Само-рожденные, само-вспоенные,
Как источники быстро бегущие,
Как обильные волны воды,
Вы, четкие, точно стада превосходных быков!
Ты, укрепляющий сильных Марутов,
Как капли священные Сомы,
Что, брызнув из сонных стеблей,
Испитые, ярко живут в сердцах молящихся, –
Гляди, как у них на плечах сверкает, прильнувши, копьё.
Так льнут к нам влюбленные жены.
И диск в их проворных руках,
И губительный меч!
Как легко они с Неба спустились,
По согласьи с самими собой.
Пробудитесь под шорох свистящих бичей,
О, Бессмертные!
По беспыльным путям прошумели Маруты могучие.
И блестящими копьями их до основ сотряслись все места.
Кто вас двинул сюда изнутри,
О, Маруты, с блестящими копьями,
Как мы видим, что движется пасть языком?
Точно пищи хотя, возмутили вы Небо.
Вы приходите к многим, влекомые многими.
Как солнце горящее, конь лучезарного Дня!
Где вершина, где дно тех великих Небес.
О, Маруты, куда вы пришли?
То, что сильно, как хрупкое что-то,
Грозовою стрелой поразив,
Вы летите по страшному Морю!
Как ваша победа, Маруты,
Страшна, полновластна, насильственна,
Как блестяща она и губительна,
Так дар ваш прекрасен, богат,
Как щедрости щедрых молящихся,
Он весел, широк и лучист, как небесная молния!
От колес колесниц их проворных
Струятся потоки дождя,

Когда разрешают они голос густых облаков.
О молнии вдруг улыбнулись Земле,
Когда ниспослали Маруты
Поток плодородных дождей!
Пришши на свет родила для великой борьбы
Страшную свиту Марутов,
Неутомимых.
Только их вскормишь,
Как темную тучу они создают,
И смотрят, и смотрят кругом,
Где бы найти укрепляющей пищи!

5. УПАНИШАДЫ

Сказанье о Начикетасе

Ом! Да пребудет с нами благосклонность!
Да будем мы Ему угодны.
Да разовьем мы силу, и да будет
Озарено исследование наше.
Да не возникнут споры здесь.
Ом! Мир, Мир, Мир! Всесовершенный! Ом!

1

Ваджашраваса, некогда, желая,
Награды, все принес, все, что имел он,
Как жертву. А сказание гласит,
Что сына он имел, Начикетаса.
И, юный, все ж отмечен был он верой.
И потому к себе промолвил:
Вода испита, съедены все стебли,
Исчерпано до капли молоко,
Нет больше силы. Радости нет в зове.
К мирам тот зов. И кто с таким приходит,
С таким приходит даром, – их зовет.

Владыке своему сказал: Отец мой,
Кому меня ты отдаешь?
Сказал так дважды: повторил, сказавши.
Ответ: Тебя я Смерти отдаю.

Начикетас помыслил: Между многих
Я первый ухожу, иду среди многих.
Что сделает со мной Бог Смерти, Яма?
Сегодня что он сделает со мной?
Назад взгляни: как с теми, кто был раньше?
Об остальном по этому суди.
Как для зерна, для смертного – гниенье,

И как зерно, восстанет он опять.

Начикетас направился в дом Смерти,
Три дня был там, отсутствовала Смерть.
Когда ж вернулась, свита ей сказала:
В дома приходит Браман как огонь.
Бог Яма, дай воды, утишь пыланье.

Сказала Смерть: Три ночи здесь постишься,
Начикетас, а гость почтен быть должен,
О, Браман, не отвергни почитанье,
Три дара можешь взять, проси что хочешь.

Начикетас ответил: Пусть отец мой
Тревог не знает разумом спокойным,
И на меня не сердится, о, Смерть:
Когда меня отпустишь, пусть меня он
Приветствует. Об этом я прошу.
Смерть отвечала: С моего согласия,
Как прежде, он дитя свое признает.
Он ночи безмятежно будет спать,
И увидав тебя освобожденным
От пасти Смертной, явит светлый лик.

Начикетас продолжил речь: Там, в небе,
Нет страха; нет тебя там; человеку
Там старость не страшна; там голод с жаждой
Превзойдены; нет скорби, только игры.
Почтительно теперь к тебе взываю,
О, Смерть, тебе известен тот огонь,
Что на небо ведет: молю, скажи мне,
Исполнен веры я. В небесном мире
Изъяты все от смертного удела.
Вторая в этом просьба есть моя.

Смерть отвечала: От тебя не скрою:
Внемли, Начикетас, известно мне,
Какой огонь ведет отсюда к небу.
Узнай же, что огонь тот, в месте скрытом.
Там в разум, там в сердце затаенный,
Есть сразу – путь, дорога в бесконечность.
И есть основа бесконечных царств.

Так Смерть ему Огонь тот указала,
Источник нескончаемых миров,
Какие камни в нем, и как, и сколько.

Начикетас ответствовал повторно,
И Смерть в восторге молвила ему,
Великая сказала благосклонно:
Теперь и здесь, вот новый дар тебе.
Огонь тот будет именем твоим

Воспламеняться. Можешь взять навовсе
Гирлянду многоликости блестящей.
Начикетас тройной, достигший в мире
Тройного единения, идущий
Тройным путем деяний, воспаряет
Над областью и смерти и рожденья;
Всевышнего познав, светорожденный,
Всезнающий, он в мир идет вовеки.
Начикетас тройной, триаду зная,
Осуществляя знаемый обряд,
Пред умираем сети Смерти бросит,
Оставив скорбь, встречает в небе блеск.
Вот твой огонь, Начикетас, ведущий
На небо, он включен в твой дар второй.
Среди людей твоим он будет зваться.
Проси теперь твой третий дар.

Начикетас промолвил: Есть сомненье,
Что будет с человеком после смерти.
Иные говорят, он существует,
Иные, нет – об этом мне скажи.
Из трех даров вот этот будет третий.

Смерть отвечала: Боги старых дней
И те об этом сильно сомневались.
По истине, узнать об этом трудно:
Утонченный закон. Начикетас,
О чем-нибудь другом проси; не требуй,
Чтоб это я поведала тебе,
Не утесняй, освободи от просьбы.

Начикетас сказал: На самом деле,
Об этом даже Боги сомневались:
И ты сказала, Смерть, что трудно знать.
Но где ж найти другого, кто сказал бы?
И можно ль с этим дар другой сравнить!
Смерть отвечала: попроси потомков
Столетних, сыновей проси и внуков,
Стада коней, слонов, золотые слитки,
Проси пространства мощные земли,
И сам живи так долго, как захочешь.
Таких даров, Начикетас, потребууй,
Исполню все, чего ни пожелаешь.
Богатым будь. Царем земли обширной.
Потребуй то, что трудно в мире смертных
Иметь, все дам тебе, лишь пожелай.
Вон, видишь, там красавицы играют
На лютнях, и уборы их блестят;
Не услаждался смертный таковыми.
Возьми их: я тебе их всех отдам.
Начикетас, не спрашивай о Смерти!

Создания дня! Начикетас промолвил.
О, Смерть, из них огонь ли извлечешь?
Они собою делают бессильным.
И в лучшем смысле жизнь есть жизнь, короткость.
Возьми себе уборы, песни, пляски.
Богатством человека не насытишь.
Богаты ль мы, когда ты предстаешь?
И живы ль мы, пока еще ты правишь?
Дай то, о чем тебя я попросил.
Кто разрушенью смертному подвластен,
Когда среди бессмертных он Богов?
И кто здесь жизнью услажден, понявши,
В чем радости и блески красоты?
Скажи нам, Смерть, что есть в великом После.
Лишь этот дар – в основе всех вещей.

2

Смерть отвечала: Должное одно,
Приятное другое; в том две узы,
И к разному здесь липнет человек.
Благ тот, кто выбирает то, что должно:
Приятное возьмешь, уйдешь далеко.
Что должно и что сладостно, пред смертным
Встают; мудрец просеивает их,
Он от себя их прочь отодвигает.
Что должно, это мудрый предпочтет;
Глупец берет приятное и держит,
Начикетас, помыслив, ты отрекся
От сладостного, что желанно ликом;
Отбросил эту перевязь довольства,
В которой так запутаться легко.
Означены два разные пути здесь,
Один есть неразумность, а другой
Есть то, что люди мудростью считают.
Начикетас избрал себе путь-мудрость.
Желанья не влачат его ордами.
Среди неразуменья обретаясь,
Себя считая мудрыми, кружась,
Излучинами вечно извиваясь,
Обманно лабиринтятся они,
И слепоте слепцы ведут слепого.
Глупцу, невразумительно-слепому,
Тому, кто блеском-шумом оглушен,
Грядущее не может быть открыто.
Вот этот мир, есть мир, за ним – ничто,
Так мыслит самомнительный, и вот
В моей опять, в моей опять он власти.

Но, что-то есть, о чем иной не слышал.
Что многие не могут познавать,

Хотя они и слышали об этом;
Кто говорит о Нем, уже есть чудо,
Кто слушает о Нем, уж дивен тот:
Его узнать не может малоумный,
В умах Он много раз был возглашен;
Другие же Его не возглашают.
К Нему дороги вовсе не ведут;
Вне рассужденья, редкого Он реже.
Не рассуждением овладеешь Им,
Тем помыслом, но ты уж овладел Им.
Ты к истине взор сердца прикрепил.
О, если б вопрошающие были
Всегда как ты, как ты, Начикетас!

Невечно, что зовут богатством люди,
И неизменность получить нельзя
Из тех вещей, что в вечной перемене.
Затем-то над не вечным я зажгла
Огонь Начикетаса. Ты взглянул
На грань желанья, на опору мира,
На достиженья ритуалов всех,
На доблестный благой первоисточник,
Взглянул на основание всего.
Ото всего ты твердо отказался.
Его с трудом в душе своей лелея,
С Ним в тайне сокровенно сочетаюсь,
Его скрывая в сердце, в подземельи,
Чрез деланье верховного слиянья,
Своим умом лишь в Высшем пребывая,
Оставит мудрый радость и печаль.
И с выбором на Нем остановившись,
Взяв тонкое, внедрив закон в себя,
Вполне достойно радуется смертный.
Начикетас, дверь пред тобой открыта.

Начикетас сказал: Строй и нестройность,
Мир сотворенный и внемирный хаос,
Что сделано и что не свершено,
Что прошлое и что еще в грядущем,
Пусть будут эти оба в стороне.
То изъясни, что лишь тебе открыто.
Смерть отвечала: Это цель, к которой
Все знания идут в хвалебных кликах.
Все подвиги об этом говорят,
Все те, что служат Бrame, лишь об этом
Мечтают в сокровенности желаний,
Тебе скажу об этом, Это – Ом.
Поистине в том слове дышит Брама,
Поистине – верховное оно.
Поистине, кто слово то поймет,
Чего он хочет, вот, он обладает.
В нем лучшее, что есть; его узнавши,

Богатым дух уходит в Божий дом.
Кто Ом поет, тот не рожден, не смертен;
Откуда, что – слова не для него.
Бессмертный, древний, вечный, нерожденный,
Убей его, он все же не убит.
Когда убийца скажет «Убиваю»,
Когда убитый молвит «Я убит»,
Что говорят, они не знают оба,
Убить не может, быть убитым тоже.
Малей чем малость, больше чем великость.
В святыне сердца Самость существует;
Свободный от желанья Это видит,
И видит – скорбь ушла, велик лишь Сам.
Сидит, и всюду странствует, далеко;
Лежит, и быстро мчится он везде.
Безрадостную радость кто узнает?
Лишь Бог во мне, лишь Самость, лишь я Сам.
Когда узнает мудрый эту Самость;
Меж тем он бестелесен, меж недугов
Велик, распространен, и безболезнен,
И более не знает, что есть скорбь.
Ту Самость не получишь объясненьем,
Умом не схватишь; выслушав не раз.
Все ж не услышишь; лишь кто Ею избран,
Тот от Нее и будет Ей владеть.
Приняв свой должный лик, пред ним предстанет,
Тот, кто еще не бросил злых деяний,
В ком чувства не подвержены проверке,
Чей ум еще не понял мир с собой,
Тот Этого достичь, узнать, не может.
Кто пища неразумья и насилья,
Приправленная Смертью, – как он может
Узнать, где он?

3

Впивая, дважды, плод своих деяний,
Гнездящихся там в сердце, в верхней сфере,
Глядящие на Брамю, освещают
Игру теней и света, – пятикратно
Зажженный свет, зажженный и трикратно.
Нетленный мост, тех, жертвующих Бrame,
Верховный мост, иной и верный берег.
Тех, кто поток желает перейти.
Огонь Начикетаса, – с нами будь.
Знай Самость как владыку колесницы,
Знай, тело лишь повозка, ум – возница,
И вожжи – побуждения твои.
Знай, чувства – кони, и предметы их
Дороги; Самость, чувства, побужденья,
В соединеньи – мудрое слиянье.

Кто жертва неразумья, побужденья
Совсем не подчиняются ему,
Ему его же чувства не подвластны,
Как ртачливые кони от возницы
Бегут.
Когда же человек уму подвластен,
Проверке подчиняет побужденья,
В его руках себя ведут так чувства,
Как под хлыстом цуг добрых лошадей.
Кто жертва неразумья, тот, нечистый,
Непомнящий, забывчивый повторно,
Бежит за целью, цель бежит его,
И никогда достичь ее не может,
И он идет к рожденьям и смертям.
Но кто подвластен разуму, кто помнит,
Кто вечно чист, тот цели достигает,
Ее достигши, больше не рожден.
Раз человек решил, что ум – возница,
Раз твердо держит вожжи побуждений,
Он видит цель скитанья своего,
Он входит в дом Того, Кто все объемлет.
За гранью чувств есть тонкие причины
Чувств наших; за пределом их – поры вы;
За их пределом – разум; за умом,
За разумом – Великая есть Самость;
За Этим, за Великим – Непочатость,
Несозданность; за этим – Человек;
За Человеком – ничего другого;
Тут – цель, и тут – конечный есть предел.
Он – Самость сокровенная, что в каждом
Сокрыта существе; лишь ясновидцы
Умом его способны тонким видеть.
Разумный чувства погружает в ум;
Ум в разум; разум в Самость; Самость в Мир.
Проснись, восстань, и отыщи великих,
И этих разумение сыщи.
Остер край бритвы, труден для хождения;
И труден, ясновидцы говорят,
Всем смертным путь нелживый для хождения.
То, что беззвучно, то, что вне касанья,
Вне формы, истощение, и вкуса,
Безароматно, вечно, без начала
И без конца, уходит за пределы
Великого, устойчиво всегда –
То зная, человек спасен от смерти.
Сказанье слыша о Начикетасе,
Разумный человек, его касаясь,
Растет, и вот велик он в доме Браны.
Кто повторит его, самовоздержный.
В собрании людей благочестивых,
Ту сокровенность высшую, или
Тем помогая, кто в сетях обширных,

Бессмертие он этим исчисляет,
Он этим возвещает о бессмертии.

4

Кто само-существует, тот пронзает
Вовне способность чувств, и человек
Вовне глядит, а не вовнутрь, на Самость.
От времени до времени, кто мудр,
От смертного желанья ускользает,
От внешнего свои отвлекши взоры,
Он созерцает Самость там внутри.
Глупцы бегут и следуют за внешним;
Споткнувшись, упадают в сеть они,
В обширность сети, распростертой Смертью;
Мудрец, познав бессмертье, достоверность,
Среди вещей неверных ничего
Не ищет здесь.
Тем, чем распознает он цвет и вкус,
Касанья, звуки, запахи, сплетенья,
Он знает этим все, что остается.
И это-то поистине есть То.
Он знает сон и бодрствованье знает,
Что в них, что в этой Самости великой,
Простершейся – как только это видит
Разумный, в нем печали больше нет.
Вкушающий прозрачный мед, он знает
Живую Самость в играх воплощенья,
Властителя того, что было, будет,
И от чего не прячется он больше.
И это-то поистине есть То.
В начале, на волнах пространства был он,
Восстал, из мысли власть свою исторгнув,
Окружным взором мерял мирозданье,
Вступивши в сердце, стал там нерушимо.
И это-то поистине есть То.
Как жизнь он существует, весь из власти,
Из сил, вступивши в сердце, там стоит он.
С созданными живыми существует.
И это-то поистине есть То.
Всезнающий, в жару огня сокрытый,
Как матерью ребенок, им рожденный,
День изо дня людьми с рассудком зрячим
Лелеемый, людьми, чьи руки знают,
Как чтить огонь, осуществляя жертву.
И это-то поистине есть То.
Там, где закат, причина восхожденья,
То, почему восходит в блеске солнце,
То, от чего все силы происходят;
За грань чего ничто не перейдет.
И это-то поистине есть То.

То, что есть здесь, что истинно есть там;
Там будучи, что истинно есть здесь,
От смерти к смерти здесь внизу проходит,
Усматривая мнимые различья.
Там в Самости, в середине, Человек,
Чуть зримый, ростом малый, но владыка
Прошедшего и будущего он.
Пред ним скрываться истинный не хочет.
И это-то поистине есть То.
Чуть зримый, ростом малый, Человек,
Бездымному огню во всем подобный,
Грядущего и прошлого владыка,
Сегодня, завтра, будет тем же Самым.
И это-то поистине есть То.
Как воды, изливаясь в ущелье,
Бегут стремниной, мчатся по холмам,
Так тот, кто видит этих вод отдельность,
За видимым явлением бежит.
Как чистая вода, с водою чистой
Смешавшись, станет влагою одной,
Так ты, Начикетас, вливаясь в Самость
Того, кто мудр, узнал, в чем мудрость есть.

5

Есть некий храм одиннадцативратный,
Врата в нем – очи, слух, еще иные,
Владеет нерожденный им, сознанья
Прямого; им владея, человек
Уже не знает более печали.
Свободный от нее, свободен вправду.
И это-то поистине есть То.
Как движущий, живет Он в светлом небе,
Как светлый, между тучек Он сияет,
На алтаре горит Он, как огонь.
Как гость, как знатный гость живет Он в доме;
Живет Он в человеке, в людях, – в них
Он более живет, чем человек;
В эфире пребывает, в ритуалах;
Он те, что порождаются в воде,
И те, что рождены на темной суше,
И те, что порождаются в горах,
И те, что рождены чрез ритуалы,
Великий ритуал сам по себе.
Он вверх уводит верхнее дыханье.
Он нижнее дыханье вниз струит.
Все силы преклоняются с почтеньем
Пред малым, еле видным между них.
От воплощенных душ, еще стесненных
Телесностью, но чувствующих жажду
Повторную – от тела ускользнуть.

Есть нечто, что в скитаньях остается.
И это-то поистине есть То.
Не верхнее дыхание, чем смертный
Живет, и не дыханием он нижним
Живет, но тем, что оба их дает.
Старинную опять тебе я тайну
Скажу, Начикетас, как после смерти
То, что есть Самость, в мире существует.
Идут иные души в материнства,
На лоно, чтобы тело воспринять;
Другие же в неподвижность переходят,
Согласно их деяньям, знанью их.
Тот Человек, что бодрствует, когда
Другие спят, свободный от желаний,
Тот истинно есть чист, и он есть Браман,
Бессмертным он правдиво наречен;
В Нем все миры содержатся; помимо
Него, ничто совсем не происходит.
И это-то поистине есть То.
Как пламя, хоть одно, вступая в мир,
Подобно многим ликам, будет в лике.
Так внутренняя Самость мироздания,
Хотя одна, раз в лике – многолика,
И все ж она – без них, без всех, одна.
Как воздух, хоть один, вступая в мир,
Подобен многим ликам будет в лике,
Так внутренняя Самость мироздания,
Хотя одна, раз в лике – многолика,
И все ж она – без них, без всех, одна.
Как солнце справедливое, глаз мира.
Глаз всех миров не тронут тьмою пятен,
Увиденных глазами в мире внешнем.
Единая та внутренняя Самость
Всех мирозданий не осквернена
Ничем из болей мира, потому что
Она всегда стоит особняком.
Единственный владыка мироздания,
Он, внутренний, незримый, Сам, который
Единый лик являет многоликим,
И на Него, внутри себя, взирают
Все мудрые, и вечность благодати
Им надлежит, лишь им, а не другим.
Среди вещей не ддящихся, одна
Сознательность разумных вечно длится.
Что смотрят на Него, внутри себя,
И благодать – лишь им, а не другим.
Они об этом мыслят, как о высшем.
Что вне всех слов и истинно есть То.
Не светит солнце там, луна и звезды.
Не светит там, конечно, и огонь.
Когда сияет Он, все Им сияют,
Во всем, что здесь светлеет, свет Его.

Есть старое-престарое растение,
 Старинный ствол, что не увидит завтра,
 То дерево склоняет ветви вниз.
 Ашваттга, это – Браман, мысль бессмертья,
 Мысль чистоты, в Нем скрыты все миры:
 В том древе – все, и ничего помимо.
 И это-то поистине есть То,
 Все, в чем движенье, из Него исходит,
 Вступает в жизнь, дрожит, трепещет, бьется;
 Оружье подъятое Оно,
 Могучий страх. И кто Его узнает,
 Бессмертие касается того,
 Огонь горит – Ему лишь повинуюсь,
 Из страха перед Ним сияет солнце,
 Ему покорны – воздух, облака,
 И Смерть – все эти пять ему послушны,
 Свой для Него они свершают путь,
 Коль перед тем, когда отбросишь тело,
 Его здесь не узнаешь, ты сочтен
 Как тот, кто будет перевоплощенным
 Среди миров.
 Как в зеркале, так в Самости отдельной;
 Как в сновиденьи, так среди теней;
 Как в смутной влаге, так и в мире песни;
 Как в светотени, так и в мире Брамы.
 Тот, кто узнал жизнь чувств, как отделенность,
 Узнал восход их и закат отдельный,
 Он мудр, и в нем печали больше нет.
 За гранью чувств есть разум; за пределом
 Ума есть мир мыслительности высшей;
 За ней еще – Великая есть Самость,
 За нею – мир Несозданности высшей;
 За этим – настоящий Человек;
 Он все объемлет, и Его могучесть
 Вне означений. Раз его узнаешь,
 Ты волен, смертный, ты вступил в бессмертье.
 Не в сфере зренья – лик Его могучий,
 Никто Его не видит взором глаз.
 Лишь разуму, уму, что правит в сердце,
 Открыт Он. И когда Его узнаешь,
 Бессмертие касается тебя.
 Раз пятичувствие с умом согласно,
 И разум не приводит их в волненье,
 Зовется высшим это состоянье.
 Ухват неробкий чувства, это – йога,
 Приходит йога и уходит йога,
 В самодозоре светлом человек.
 Когда его не схватишь словом, мыслью,

Иль зрелищем, – его определенье
Не в том ли, чтоб сказать о нем: «Он есть»?
Не только «есть», но и «не есть» – в нем оба.
Скажи: «Он есть», – блеснет впервые правда.
Когда прогонишь в сердце все желанья,
Которые гнездятся в нем, тут смертный
Становится бессмертным, – область Браммы.
Когда развяжешь каждый узел сердца.
Тут смертный прикасается бессмертья.
И в этом поученья скрытый смысл.
В одном и том же сердце сто путей
И путь один, добавочный, при этом.
Через средоточье головы проходит
Нечетный, одинокий путь из них.
Через него бессмертья достигаешь:
Другие все туда-сюда уводят,
Уходят, чтоб по ним уйти вонне.
Чуть зримый Человек, Сам, сокровенный,
У всех, что здесь рождаются, скрыт в сердце,
Он в сердце у всего, что рождено:
Коль хочешь, извлеки его из тела,
Терпением, как стебель из травы.
Бессмертный, чистый, ты Его узнаешь,
В бессмертии узнаешь, в чистоте.
Так мудрости наученный у Смерти,
Подвижничества правила узнав,
Свободный от пятна, объятый Брамой,
Свободный и от Смерти, отошел
Начикетас. Свободен будет каждый,
Который этот свет в себе вместит.

ИРАН

ЗЕНДАВЕСТА

1. АГУРАМАЗДА

Это я, Агурамазда, создал ночь и яркий свет,
Создал дружное течение вечно-огненных планет.

Тех светил одушевленных, чьи лучистые тела
Породила, оттенила довременной ночи мгла.

Это я рукою щедрой бросил в землю семена,
Повелел, чтоб их будила златокудрая весна.

В теле каждого растенья нежных жилок создал ткань,
Оживил одним дыханьем лес и травку, льва и лань.

И наполнил все созданья опьяняющим огнем,
Что блистает не сжигая, светит ночью, греет днем.

2. УТРЕННЯЯ И ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – по воле Моей.
Злые мысли, злые слова, злые дела – не по воле Моей.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – в Рай приведут.
Злые мысли, злые слова, злые дела – в Ад приведут.
Добрые мысли, доброе слово, доброе дело – радуги в Рай.

3. МОЛИТВА

Да будет восхвален Агурамазда!
Да будет уничтожен Анграмайни!
Кто любит свет, да любит яркий свет!
Хваленье доброй мысли, доброй речи,
Хваленье делу доброму вовек!
Да будут слиты благостью единой
Дела, слова, и помыслы ума!
Отбросим злые мысли, злое слово.
И злое дело, – отойдите, прочь!
Вам жертвы и моления, Духи Блага,
Всей полнотою мыслей, слов и дел,
Возьмите сердце, жизнь мою возьмите!
Свят, свят звук слов, зовущих на благое!
О, благо совершенным в чистоте!
Я говорю, что почитаю Мазду,
Я говорю, мой путь – путь Заратустры,
Того, кто ненавидит лживых Див,
Кто дружен с духом слов Агурамазды!
Молитвы, жертвы, слава Чистоте,
Молитвы, жертвы, слава Духам Блага.
Молитвы, жертвы Властелинам дней,
Владыкам дней, и месяцев, смен года,
И долгих лет, безвестности времен!
Агурамазде яркому венцу!
Святая Воля да владеет нами!
Молитвы, жертвы, слава Власти дней!

4. ПОЧИТАНИЕ

Мы чтим благие Души, в блеске силы,
Чтим внутреннюю силу в существах,
Источник благодетствия, Фраваши:
Чтим душу веселящего Огня,

В кружок собирает он и согревает,
Сроошу чтим, он Гений Почитанья,
Он Слово Воплощенное, могучий,
Владыка с попадающим копьем,
Найрио-Сангху, вестника Агуры;
Раншу-Розиста чтим, он Гений Правды;
Чтим Митру, солнцеликого царя
Обширных пастбищ; душу Мантра-Спенты,
Святого Слова; душу чтим Небес,
Воды, Земли, Растений, и Быка,
Живого Человека, Мироздания.
Мы чтим Фраваши Гайя-Маретана,
Что первый внял словам Агурамазды.
И из него-то сотворил Агура
Арийские народы разных стран.
Мы чтим святую душу Заратустры,
Что первый в этом мире мыслил благо,
И благо говорил, и благо делал;
Он первый Жрец был, первый был Воитель.
Был первый Пахарь, подниматель глыб;
Был первый тот, кто знал и кто учил;
Впервые обладал Быком, и Словом,
И Святостью, и подчиненьем Слову,
И властью, всеми добрыми вещами,
Что, в процветание благой Основы,
Нам создал Мазда; первый взял он в руку
Вращенье колеса.

Чтим Заратустру мы, он вождь, владыка
Вещественной вселенной; человек
Первичного закона; самый мудрый
Из всех существ, и лучше всех познавший
Святое царство самообладанья,
Живую силу власти над собой;
Из всех существ блистательно-лучистый,
Достойнейший и самый досточтимый,
Желанный для восторгов прославления,
Любимец наш среди воскликновений,
Прекрасный в безупречной чистоте.

Чтим эту Землю мы; чтим это Небо;
Все бодрое меж Небом и Землей,
Достойное быть чтимым в сердце верных.
Чтим души мы зверей, ручных и диких.
Святых мужчин и женщин души чтим,
Чьи совести боролись, или будут
Бороться, или вот, ведут борьбу
За благо.

Спросил Агурамазду Заратустра:
Агурамазда, Дух Благотворитель,
Святой Творец вещественного мира!
Что пища тех, чья жизнь Закон есть Мазды?»
И отвечал ему Агурамазда:
«Сей, сей зерно, сей вновь, о, Заратустра!
Кто сеет рожь, тот сеет справедливость:
Он ходит в Свете, он впивает Свет,
Впивать дает блестящие он капли,
Как будто б он сто ног имел в тот час,
Из тысячи грудей как будто кормит,
И десять тысяч слов святых поет.
Когда ячмень был создан, вздрогнул Дьявол;
Когда возрос, упали сердцем Дивы;
Он заузлился, Дивы застонали;
Явился колос, скрылись Дивы прочь.
Бежала свита Дьявола от нивы.
Где хлеба нет, уж Дивы тут как тут.
Но, словно раскаленное железо,
Пугает колос их, и вид зерна».

6. СОБАКА

Собака нрав восьми существ имеет:
Воителя, жреца, и земледельца,
Бродячего певца, и вора, зверя,
Блудницы, и ребенка. Эти восемь
С собакою один имеют нрав.
Она вперед выходит – как воитель,
Сражается за стадо – как воитель,
Идет из дому первой – как воитель.
И в этом всем воитель есть она.
Она, как жрец, умеренна в питаньи.
Она, как жрец, скромна и терпелива,
Она, как жрец, куска лишь хлеба хочет,
И в этом всем собака есть как жрец.
Спит чутким сном она – как земледелец,
Идет из дому в ранний час – как он,
Хозяйство бережет – как земледелец,
Домой, как он, приходит в поздний час,
И в этом всем она есть земледелец.
Она капризна – как певец бродячий,
Она бранчлива – как певец бродячий,
И любит звуки – как певец бродячий,
Певец бродячий в этом всем она.
Как вор – собака любит тьму ночную,
Как вор – она готова объедаться,
Как вор – она добру плохой хранитель,
И в этом всем собака есть как вор.
Как зверь – она бродяжничает ночью,
Как зверь – она довольна черной тьмою,

Как зверь – она всегда напасть готова,
И в этом всем собака есть как зверь.
Кто близок к ней, тех ранит – как блудница.
По всем путям проходит – как блудница,
Причудлива и вздорна – как блудница.
И в этом всем блудница есть она.
Она нежна, дремотна – как ребенок,
Она всегда болтлива – как ребенок,
И роет лапой землю – как ребенок,
И в этом всем ребенок есть она.
Собака нрав восьми существ имеет,
Но сверх сего и нрав имеет свой,
А в этом с нею кто сравниться может?
Она само-одета и обута,
Внимательна, бессонна, острозуба,
На злых бросает мощь и тяжесть тела,
От злых добро и жизни охраняет,
И волк и вор находят в ней врага,
Она чутьем издалека их слышит,
Предупреждает их явленье лаем,
И рвет в куски, и тает враг, как снег.
Собака создана Агурамаздой.
Агурамазда возлюбил хозяйство,
Им для хозяйства дан нам верный страж.
В глазах собаки – преданность и верность.

7. ГИМН К ВАЙЮ

Мы славословим Воды и Того,
Кто разделяет их! Хваленье Вайю!
Вот, жертвоприношение наше – Вайю,
К блестящему, к нему наш зов теперь!
Меня зовут, о, Заратустра, Вайю.
Мне имя – Вайю, потому что я
Два мира прохожу, воздушно вея,
Один из них был создан Духом Добрым.
Другой из них был создан Духом Злым.
Мне имя – Застигатель, Заратустра.
Я Застигатель, ибо я могу
Застигнуть существа миров обоих,
Того, где Добрый Дух, того, где Злой.
Мне имя – Всесразитель, Заратустра.
Я Всесразитель, потому что я
Могу сражать существ миров обоих,
Того, который создан Добрым Духом,
Того, который создан Духом Злым.
Мне имя – Благодворец, Заратустра,
Затем, что благо я творю, во имя
Агурамазды и Амеша-Спент,
Я вестник их, я их свершаю волю.
Мне имя – Тот, что шествует вперед.

Мне имя – Тот, что держит путь назад.
Мне имя – Тот, кому легко откинуть,
Кто опрокинет, Тот, кто разрушает.
Тот, кто возьмет, сметет, Тот, кто отыщет.
Мне имя – Храбрый, Сильный, Самый Храбрый.
Мне имя – Тот, кто единит, кто делит,
Вновь единит. Мне имя – Жгучий, Быстрый.
Мне имя – Мысль, Восторг, Освобождение.
Мне имя – Разрушитель темных нор.
Копье, длина копья, его пронзенье.
Мне имя – Тот, кто мчит свое копье.
Мне имя – Славный, Самый Славный, Вайю.

Мы молимся тебе, Великий Вайю.
Вот, наша жертва – перед сильным Вайю.
Могучий из могучих, светлый Вайю.
Чтим Вайю мы, что с шлемом золотым.
Чтим Вайю мы, что с золотой короной.
Чтим Вайю, с ожерельем золотым.
Чтим Вайю, с золотою колесницей.
Чтим Вайю, с золотым его оружием.
Чтим Вайю, в одеянии золотом.
Чтим Вайю, на котором обувь – злато.
Чтим Вайю, препоясанного златом.
Да будет чтим святой верховный Вайю.
Здесь, в этом гимне, дышит Дух благой.
Здесь, в этом гимне, дышит светлый Вайю.

8. ГИМН К ВЕРЕТРАГНЕ

Гимн к Веретрагне, созданному Маздой,
К нему, что есть дробящий Восходитель,
Он Дух Победы, Гений Торжества.
Да примет он молитвы, жертвы, славу.
Вот, Веретрагна, наша жертва здесь!

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благодетель,
Святой Творец вещественного Мира,
Кто всех вооруженней меж Богов?!»
Ответствовал ему Агурамазда:
«То Веретрагна, созданный Агурой,
Он, Заратустра, всех Богов сильней!»

Он, Веретрагна, созданный Агурой,
Примчался в первый раз как сильный ветер,
Красивый ветер, сотворенный Маздой;
Принес он Славу, созданную Маздой,
Принес он в Славе силу и здоровье.

И молвил самый Сильный Заратустре:

«Я самый сильный в Силе; я в Победе
Меж всеми победителен; я в Славе
Славнее всех; я, Милость оказуя,
Всех милостивей, всех добрей, щедрее;
Целительнее всех, когда целю.
И я разрушу ковы всех лукавых,
Лукавство Див, Людей, слепцов, глухих,
И всех, кто жмет, и всех, кто утесняет».

За этот блеск, за эту мощь и силу,
Мы Веретрагне жертву принесем.
Во имя Веретрагны возлиянья,
Согласно ритуалам первых дней;
Да опьянит Гаома, цвет бессмертья.
Слова напевов мудрых, слово чар,
Да скажутся слова в напевном строе.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Спросил Агурамазду Заратустра:
«О, Дух Святой вещественного Мира!
Кто всех сильней среди Богов небесных?»
И снова «Веретрагна» был ответ.

Вторично Веретрагна появился,
Примчавшись как красивый сильный бык,
С рогами закругленно-золотыми;
А на рогах крутых витала Сила.
Красиволикость Силы, и Победа,
Прекрасное создание Агуры.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

И вновь, и вновь явился Веретрагна.
Он в третий раз явил свой светлый образ
Как белый, весь – порыв, красивый конь;
Весь золотой, чепрак на нем был рдяный;
На лбу виднелась Сила и Победа,
Красиволикость быстролетной Славы.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В четвертый раз он прибежал верблюдом,
Длинноволосым, быстрым, острозубым,
Который в дни любовного безумья
Всех горячей меж сильными самцами,
К своим подходит самкам весь – огонь,
И хлопья белой пены ртом он мечет,
И, быстроглазый, видит издалека,
И четко видит даже в тьме ночей,
Стоит так твердо, как хозяин полный.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он в пятый раз примчался в виде вепря,
Упорного сразителя врагов,
Чей острый клык дает удар смертельный.
И сразу поражает, гневный, сильный,
Метуший все – опущенным лицом,
Сметающий все то, за что заденет,
Могучий вепрь, непобедимый клык.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В шестой он раз явился в новом виде,
Как юноша красивый, светлоглазый,
Пятнадцати расцветно-пышных весен.
Веселый, с узкой пяткой, весь – цветок.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В седьмой он раз как ворон прилетел,
Как в свете солнца весь отливный ворон.
Меж птицами быстрейшая в полете,
Легчайшая из всех, чей образ – крылья.
Из всех живых существ один лишь он
Полет стрелы, любой стрелы, обгонит.
Он весело взлетает с первым блеском
Зари, чтоб ночь скорей, скорей ушла,
Чтоб занялась заря скорей в полнеба.
Он знает тайну всех тропинок гор,
Вершины гор и глубь долин он знает.
С вершин деревьев смотрит высочайших.
И слушает, что в голосах всех птиц.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

В восьмой он раз пришел бараном диким,
С красивыми загнутыми рогами.
В девятый раз пришел козлом задорным,
Наметившим красивый острый рог.
В десятый раз явился человеком,
Красивым, светлым, сотворенным Маздой:
Он меч держал, златое лезвие,
С отделкою из многих украшений.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Чтим созданного царственным Агурой,
Чьей властью – смерть, чьей властью – возрождение.
В ком – мир, и перед кем – свободный путь.

Ему молился с жертвой Заратустра,
Прося, чтоб даровал победность мысли,

Победность речи, дела, обращенья,
Внушал бы победительный ответ.
Создание Агуры, Веретрагна
Дал ключ ему, источник сил мужских,
Дал мощь оружия, в теле всем здоровье.
Дал крепость тела, бодрого во всем,
Дал зренье рыбы Кары, Рыбы рыб,
Живущей глубоко в подводном царстве.
Способной смерить малую струю,
Не толще, чем единый малый волос,
Меж вод Рангхи, чей край лежит далеко,
Чья глубь – тысячекратный человек.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он Заратустре силу дал мужскую,
Ту силу, что в мужчине бьет ключом.
Здоровье, крепость, и веселость тела.
И зренье, силу зренья жеребца,
Что ночью, в час, когда густеет полночь,
И в час, когда струится дождь и тьма,
Увидит на земле кобылий волос,
И знает, с головы ль он иль с хвоста.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Он Заратустре силу дал мужскую,
Решительность, здоровье, стойкость тела,
И дал ему глаз коршуна, который,
Летая в ожерельи золотом,
На выси девяти пространств, увидит
Обрывок мяса – как кулак, не толще,
При свете, сколько может дать иголка.
Не вся иголка, а конец иглы.

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

Спросил Агурамазду Заратуистра:
«Агурамазда, Дух Благодетель!
Когда на мне проклятие лежит,
Когда мои враги, что ненавидят,
Скуют волшебность чары на меня,
Какое средство силу ков разрушить?»
Ему Агурамазда отвечал:
«Возьми перо от птицы Варэнганы,
О, Заратуистра. Ворона перо.
Ты тем пером натри себе все тело,
И то перо отбросит чару прочь,
Проклятие к врагам твоим откинёт.
Кто кость хранит от этой сильной птицы,
Или перо от этой сильной птицы,
Никто его не может поразить,

Его не сможет увидеть бегущим.
С ним будет Ворон. Ворон, он поможет.
Он в славе сохранит его, в лучах.
Владыка стран окажется бессильным,
И, хоть убийца, не убьет его,
Пред сонмом войск – его не дрогнут сотни,
А он сразит, и он пойдет вперед.
Все дрогнут перед тем, с кем тайно Ворон.
Та птица мчит все колесницы сильных,
Все колесницы тех, чей меток меч,
Ее влияньем взвился Кави Уса,
Всходя на Небо на престол орлов.
Ее влияньем жеребец несется,
Верблюд бежит, и мчатся воды рек.
На этой птице мчался Траэтана,
Кем был в бою сражен Ази Дагака,
Трехротый, трехголовый, шестиглазый,
И тысячу имевший разных чувств;
Могучий этот, адский Дрог! тот демон,
Губительный для мира и чумной,
Тот сильный Дрог, что создан Анграмайни,
Для гибели вещественной Вселенной,
Чтоб добрую Основу погубить.
Но сам Губитель в битве был погублен,
Крылом тут веял Ворон, Веретрагна.
Храни же, Заратустра, слово чар,
Тебе открытых, для отдачи верным,
От рта до рта пусть чуть они доходят,
Да знаешь ты Победу, Силу, Блеск».

Чтим Веретрагну мы, Царя Победы!

9. ПОСЛЕ СМЕРТИ

1

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благодетель,
Святой Творец вещественного Мира!
Когда один из верных отойдет,
Что в эту ночь душа его свершает?»

Ему Агурамазда отвечал:
«Близь головы его она садится,
Песнь напевая: «Счастлив человек...»
И возглашает счастье: «Да, он счастлив.
Кому осуществил Агурамазда,
Сполна, свершенье всех его желаний.
В ту ночь его душа вкушает столько
Блаженства, сколько может мир живущий
Его вкусить». – «А на вторую ночь?»

Агурамазда отвечал: «Садится
Она опять у головы его,
И вновь поет о счастье: "Счастлив, счастлив..."
И вновь она вкушает наслаждение,
Как только может мир его вкушать».

«А где душа с приходом третьей ночи?»

Агурамазда отвечал: «Все то же.
Она поет о счастье. Дышит счастье.
Так много счастья, как возможно вынести».

За третьей ночью, чуть заря зажжется,
Является душе того, кто верен,
Что вот, кругом цветы и ароматы:
Как будто ветер нежно веет с Юга,
Благоуханный ветер, благовонней,
Чем ветры всех иных пределов мира.
И кажется душе: она вдыхает
Тот ветер, и как будто в человеке
Вопрос: «Откуда веет этот ветер?
Нежнее он всего, что я вдыхал!»
И кажется ему тогда, что совесть
Его к нему идет в том нежном ветре,
Во образе красивой светлой девы,
Прекрасной, стройной, сильной, белорукой,
Высокой, полногрудой, с нежным телом,
Той девушке пятнадцать лет, она
Из рода благородного, и чары
Той красоты красивее всего.

Он скажет ей: «О, девушка, кто ты?
Меж дев тебя красивей я не видел».
Его же совесть тут ему ответит:
«Ты, мыслей добрых, добрых слов и дел,
Ты, Доброй веры, совесть я твоя.
Ты каждым был любим за то величье,
За доброту, красоту, благовонность.
За силу и свободу от печали,
В которых предстаешь ты предо мной;
И потому, ты, слов и мыслей добрых,
Ты, добрых дел и доброй веры, любишь
Меня за то величье, доброту,
И красоту и вольность от печали,
В которых предстаю я пред тобой.
Когда бы увидал ты человека,
Которому что свято, то смешно,
Или того, кто бедного отгонит,
И с бранью перед ним затворит дверь.
Тогда бы ты сидел и пел молитвы.
Молясь святыне Вод, Огню живому,

И верных веселя, к тебе идущих.
Красива я была, меня ты сделал
Красивее еще; была нежна я,
Еще нежнее сделал ты меня;
Была желанной, я вдвойне желанна;
Была на первом месте, ты меня
На самом первом месте быть заставил,
Через мысль благую, чрез благое слово.
Через благое деланье твое;
И вот меня отныне почитают,
За долгодневность жертв моих, за мой
Глубокий разговор с Агурамаздой.
Чуть верная душа ступила шаг,
Она вступила вдруг в Рай Доброй Мысли;
Чуть шаг второй, в Рай Добрых Слов вступила;
Через третий шаг – в Рай Доброго Деянья;
Через четвертый – в бесконечность Светов».

Тогда один из верных, отошедших
Пред ним, его попросит, говоря:
«О, человек святой, как ты покинул
Ту жизнь? Как ты пришел сюда из мест,
Где столько стад, желаний и восторгов?
Оттуда, где любовь тебе смеялась?
Из мира вещества в духовный мир?
Из мира тленья в этот мир нетленный?
Как долго длилось счастье твое?»
Ответствует ему Агурамазда:
«Не спрашивай его, что вопрошаешь,
Он только что прошел жестокий путь,
Исполненный и страха и тревоги,
Путь, где душа должна расстаться с телом.
Пусть вкусит он от принесенной пищи,
От лучших яств блистательной Весны:
То пища для того, чьи мысли добры,
Чьи добры вера, дело, и слова,
Когда он отойдет от этой жизни,
Когда он отойдет от жизни той».

2

Спросил Агурамазду Заратустра:
«Агурамазда, Дух Благотворитель!
Когда один из злых окончит жизнь,
Где в эту ночь душа его, и что с ней?»
Ответствовал ему Агурамазда:
«Взметнувшись устремляется она,
Близ мертвой головы сидит, и с воплем
Поет: "Куда пойти теперь? Куда?
Куда идти мне, о, Агурамазда?
Кому молиться мне? Кого просить?"

В ту ночь его душа вкушает столько
Страданья, сколько может мир вкусить».

«А на вторую ночь – что с той душою?»

Агурамазда отвечал: «Взметнется,
И сядет вновь близ мертвой головы,
И вновь поет, о, Заратустра, с воплем:
"Куда идти? В какой я край пойду?"
И снова боль, которой бы хватило
На целый мир. – И то же в третью ночь.
Тоска и боль. «Куда пойти? Куда же?»
По окончании этой третьей ночи
Взойдет заря, и будет злой душе –
Как будто бы в снегу она, среди вонь,
Как будто вихрь от Севера летит,
Из северных пределов, столь зловонный,
Что он зловонней в мире всех ветров.
И кажется тут злому человеку,
Что у него в ноздрях тот душный воздух.
Он думает: «Откуда этот ветер?
Я никогда подобным не дышал!»
И вот ему навстречу – злая ведьма,
Ужасная старуха, это – совесть,
Лик всех его деяний, мыслей, слов,
Распутная, нагая, и гнилая,
С раскрытым ртом, с уродством ног кривых,
Худые ляжки пятнами покрыты,
Пятно к пятну, она из пятен вся,
Нечистая. И сдавлен весь, он молвит:
«Кто ты? Я безобразнее не видел
Меж грязных всех оборышей Земли!»
Ответ скрипящий: «Я твои деянья,
Я помыслы твои, твои слова!
Твоею волей так я безобразна,
Твоею волей мерзость я и гниль,
Несчастлива твоей, твоею волей.
Когда ты видел тех, в ком свет сиял
Объятого молитвенной мечтою,
Того, кто почитал Огонь и Воду,
Зверей, деревья, травы, все живое,
Ты Дьявольскую волю исполнял,
Кошунственные замышлял деянья.
И видя тех, кто был гостеприимен,
Кто дальнего и близкого встречал
Равно своей радушною улыбкой,
Ты жаден был, дверь замыкал свою.
И если я была и нечестива, –
Верней, меня считали таковой, –
Через тебя я нечестива вдвое;
И если я уродлива, ужасна,
В уродство, в ужас ты поверг меня;

Хоть с Демонами я в пределах ледяных,
На самый Север вдвинул ты меня;
В делах, в словах и в мыслях ты был злобным.
Я проклята, давно, Злой Дух со мной!»

Шаг первый – и душа в Аду Злой Мысли:
Второй – она во Аде Злого Слова;
Шаг третий – и разъят Ад Злого Дела;
Четвертый шаг – и Вечность Темноты.

Один из злых, пред этим отошедших,
Уж тут, и говорит: «Как ты погиб?
Несчастный человек, несчастный дьявол,
Как ты пришел? Как долог был твой путь?»
Лежачий, Анграмайни, тут промолвит:
«Что говорить с ним? Дай ему поесть,
Зловонный яд готов, шипит отравы,
Накормят пусть того, кто трижды зол».

Придет заря, и чуть заря займется,
Тут птица Пародарс, Карэто-Дасу,
Что слышит голос Пламени всегда,
Всплеснет крылами и поднимет голос:
«Восстаньте, люди! Женщины и дети,
Восстаньте, препояштесь, и омойтесь,
И спойте пять молений Заратустры!»
Но вражий долгорукий Бушияста
Взметнется вдруг из Северных пределов,
Воскликнет так, солжет опять он так:
«О, спите, люди! Тот, в ком грех, спи крепче.
Спи, спи, и продолжай жить во грехе!»

КИТАЙ

ЛАОТЦЕ

КНИГА ПУТИ И БЛАГОГО ЧАРОВАНИЯ

1

Путь, что есть Путь, то не путь обычный;
Имя, что Имя есть, то не имя обычное.
Неименуемое – это есть сущность Всемирного;
А именуемое – природа есть Личного.
Всегда достоверно: бесстрастный увидит ясно;
Всегда достоверно: страстный увидит смутно;

Два эти ряда – одно, но выявляются разное:
Неисследимое, неисследимого –
Это – Великой Тайны врата.

2

Это – Людское Сознание Красивого
Отличает Красивое от Безобразного:
Это – Людское Сознание Доброго
Отличает Добро от Зла.
Быть и Не-Быть, это лишь Бытие расчлененное.
Возможное и Невозможное
Это лишь чувственный Мир расчлененного.
Высшее так же, как Низшее, это лишь Цельная жизнь расчлененная.
Вперед и Назад, это есть Непрерывность одна, расчлененная.
В соответствии с этим:
Совершенное – все изъясняет без мысли и без познавания!
    Оно легкокрыло без слов;
    Действует без побуждения;
    Создает без чего бы то ни было;
    Воспринимает без взгляда;
    Свершает, хотя не творец.
В целом же:
    Неизвестное делает Силу.

3

Путь отвлеченен, но сила его, его действенность – неистошима.
Неизмеримо-Глубинный, Он есть заправитель частичного Мира, явленного.
    Острое Он умеряет,
    Сложное Он разбирает, распутывает,
    Шумное в стройность приводит певучую,
    Атомы вводит в порядок.
Свет, вечный Свет!
Я не знаю, ему кто бы мог предшествовать!
Чьим бы чадом считаться могло Существо Высочайшее!

4

Всемирное не ведает Любви:
    над Личным проходит оно, как над средством, средой.
Совершенное не ощущает Любви;
    проходит над Личностями, как над средствами, как над средой.
Вселенная – словно покров:
    Пустая, но неисчерпаемая:
    в движеньи, творит всегда.
Человека не вычерпать словом:
    но когда он не тратит слов,
    ничего не теряет из Я.

5

Бессмертна жизненность Природы;
Она непостижимая есть Мать;
Мать непостижная – Всемирности есть корень;
Что жизнь всегда, – тому толчка не надо.

6

Всемирное – вечно,
Всемирное – вечно, затем, что не существует в Личности.
В этом есть свойство Вечности.
В соответствии с этим:
Совершенное, если вступает в затмение, вдвойне утверждается,
Тратя себя, укрепляется в Вечности,
Своекорыстья уйдя, обособляется.

7

Сила Благая подобна Воде,
Соразмерясь со всем, ко всему она приспособляется:
Чем дальше она от Низменного,
Тем ближе она к Пути.
Итак она есть:
в соотношении с Жизнью, с Земностью,
в соотношении с Душой, с Глубиной,
в соотношении с Чувством, с Любовью,
в соотношении с Духом, с Чистосердечием,
в соотношении с Движеньем, с Развитием,
в соотношении с Действенным, с Силой,
в соотношении с Действием, с Должным в свой миг.

8

Первичные Строители Порядка,
Устроенные, знали лишь себя.
Одно свое существованье.
За ними – их любили и хвалили;
За ними – относились к ним со страхом;
За ними – относились с небреженьем;
Лишь Сплоченностью Сплоченность творится.
Величием исполненные, также
Как были полновесные слова их,
Они свершали ряд своих свершений;
Как думали тогда, был Самовзгляд,
Закон был обществ – Самоусмотренье.

9

Спутался Путь – возникает сознание долга;
Глянул рассудок, – поведения правда слепая исчезла;
Кровная пала Гармония, – встала Семейность;
Стройность из обществ ушла, – Отечестволюбье пришло.

10

Подниматься на цыпочки, это не значит стоять на ногах;
Ноги свои расставлять неумеренно, это не значит ходить.
Выставляться вперед, это значит во мгле оставаться;
Собою довольствоваться, это значит идти назад;
Быть напоказ пред людьми, это значит от них зависеть;
Собою самим услаждаться, это – в упадке быть.
В соотношении с Жизнью, это – душевный разврат;
В соотношении с Целью, это есть Беспомощность;
Тот, кто знает Путь, стоит далеко от этого.

11

Не пробегая по миру, можно познать человеческое,
Не смотря из окна, можно видеть четко,
    Кто слишком смотрит, узнает мало.
В соответствии с этим:
    Совершенный не странствуя знает.
        не наблюдает, а видит,
        не вступая в волеенье, свершает.

12

Если Общество Путь соблюдает,
    на пашне работают,
Если Общество Путь покидает,
    на границе скопляются бранные кони.
Нет греха – более страсти.
Нет большего зла – как несдержанность,
Нет недостатка – сильней честолюбия:
    Тот, кто умеет знать утоление, он утолен.

13

Вечный возврат, это – путь Пути;
Бездейственность, это есть двойственность Пути;
    Существа земные возвращаются к Жизни.
    В Жизни вновь возвращаются в Ничто.

Существует Энергия, Мощь Устроительная, Первобытная,
Первичнее Природы,
Неизменная, Неотелесенная,
Причина себя, что всегда в Саморавенстве,
И развивается правильно,
Жизни Основа.

Неназываемую, люди зовут ее Путь,
Энергия, это – Великое,
Великое, это – Безмерное,
Безмерное есть Бесконечно-далекое,
Бесконечно-далекое есть Возврат.

В соответствии с этим,
Путь есть Величие,
Небо – Величие,
Земля есть Величие,
Устроитель – Величие.

Итак существуют четыре Величия, а их
Устроитель – один.
Человек обусловлен Землей,
Земля обусловлена Небом,
Причина Неба есть Путь,
Причина Пути – в себе.

У ВРАТ ЗАКАТНЫХ

(Чи-Кинг)

Народная песня

У врат Закатных, городских,
Красавиц юных рой,
Как тучек легких и сквозных.
Толпа, весной, с зарей.
Но что мне в том, но что мне в том,
Что зарится в них кровь?
В покрове белом и густом
Вот здесь – моя любовь.

У врат Восточных, городских,
Красавиц нежных рой,
Как хоровод цветов лесных,
Что расцвели с весной.
Но что мне в том, но что мне в том,
Что вешняя в них кровь?
В покрове белом и густом

Вот здесь – моя любовь.

НЕНЮФАРЫ

Чанг-Чанг-Линг

Ненюфары, кувшинки, листьями так схожи с цветной кисеей.
А цветы их так розовы нежно румянцем смеющихся лиц,
Что не знают глаза, где листы – кисеи, где цветок тут – речной,
Лишь по пению девушек видишь, меж трав, меж речных верениц.

В оны дни здесь любимицы Тцу, и красавицы Ю здесь толпой
Ненюфары срывали, река так была кисеей их нежна,
Что теперь каждый венчик дрожит перед каждой поющей сестрой,
И в ночи над рекою ведет их толпу снеговая Луна.

В УРОВЕНЬ С ВОДОЙ

Тху-Фу

Так быстро стремится ладья моя в зеркале вод,
И взор мой так быстро следит за теченьем реки.
Прозрачная ночь, в облаках, обняла небосвод,
Прозрачная ночь и в воде, где дрожат огоньки.

Чуть тучка, блестя, пред Луной в высоте промелькнет,
Я вижу в реке, как той тучки скользит хризолит.
И кажется мне, что ладья моя в Небо плывет,
И кажется мне, что любовь моя в сердце глядит.

ПРЕД СУМРАКОМ НОЧИ

(Крик воронов)

Ли-Тай-Пе

В облаке пыли Татарские лошади с ржаньем промчались прочь.
В пыльной той дымности носятся вороны, – где б скоротать эту ночь.
Близятся к городу, скрытому в сумраке, ищут на черных стволах.
Криком скликаются, ворон с подругою, парно сидят на ветвях.
Бранный герой распростился с супругою, бранный герой – на войне.
Вороны каркают в пурпуре солнечном, красная гарь на окне.
К шелковой ткани она наклоняется, только что прыгал челнок.

Карканье воронов слыша, замедлила, вот замирает станок.
Смотрит в раскрытые окна, где зорями дразнят пурпурности штор.
Вечер разорванный в ночь превращается, черным становится взор.
Молча идет на постель одинокую, вот, уронила слезу.
Слезы срываются, ливнем срываются, – дождь в громовую грозу.

ОКЕАНИЯ

СОЛНЦЕ

Океанийское предание

Солнце есть женщина. Имя – Окэра.
Днем она светится. Бродит вниз.
Ходит, восходит. Свершается мера.
Тучи проводит. Сбирает грозу.

Вот нагулялась в полях распростертых.
Хочется спать ей. Уютно ли тут.
Солнце проходит чрез области мертвых.
Только приблизилась, тени растут.

Солнцу блестящему призраки рады,
Смотрят, толпятся, зовут погостить.
Только недолги ночные улады,
Утром ей нужно от них уходить.

Призраки Солнце из тьмы провожают.
Красного шкуру дают кенгуру.
Скучно им. Пасмурны. Сумрачно тают.
Солнце же красным встает поутру.

СОЛНЦЕ И ГРОМ

Предание

Солнце создал Гром. Сказал:
«Будь!» И прочь прогрохотал.
Солнце – светлая жена,
Громом в бурю создана.

Две ноги всего ей дал.
А ходить ей приказал.

Две ноги, и много рук.
Видишь, сколько их вокруг.

«От зари и до зари»,
Солнцу Гром сказал, «гори!»
От зари и до другой
Солнце ходит над Землей.

Ночь. Работа свершена.
Хочет есть и пить она.
В Землю спустится, в туман,
Корни есть и игуан.

В Море спустится и пьет.
Морем черным Ночь течет.
Солнце с Громом в Море спят.
Завтра будет гром и град.

РОЖДЕНИЕ СОЛНЦА

Предание

Когда Окэрка родилась,
На Небе был Восточный час.
И распустился там цветок,
Он называется – Восток.

Пошла гулять. Идет. Плывет.
Прошла весь синий Небосвод.
Вдруг видит жаром полный сад.
Он называется – Закат.

В саду глядела на цветы,
И захотела темноты.
Нырнула в Море, скрылась прочь.
Зовут то Море в мире – Ночь.

«А где же первый мой цветок?»
Окэрка снова на Восток.
И новый цвет блестит, горя.
Он называется – Заря.

ЛУНА

Предание

Когда в седые времена
Не загорались, как теперь,
В выси ни Солнце, ни Луна,
Был человек, и был он зверь.

Он жил. Он умер. Погребли.
Уж минул год. Вдруг он встает.
Как юный отрок из земли.
И прямо – в быстрый хоровод.

Бежать в испуге – все кругом.
«Не бойтесь!» крикнул: «Будет час,
Я снова буду мертвецом,
Но жив, я жив на этот раз».

«Не бойтесь. Будем длить игру.
И будем в плясках и в цветах.
Когда же снова я помру,
Светло воскресну в Небесах».

Кто не послушался его,
Тот так и умер в тот же час.
А отчего? Да оттого,
Что в плясках час торопит нас.

А сам он вырос, жил и жил.
Когда ж он умер раз, с весной,
Он в свите вспыхнувших светил
На синем Небе стал Луной.

И вновь к нему приходит смерть,
И вновь, как в звонах нежных струн,
Взнеся свой тонкий серп на твердь,
Живет он жизнью юных лун.

Когда ж в ночах поет вода,
Но наш его не видит взгляд,
С двумя он женами тогда;
В стране, зовущейся – Закат.

ЗВЕЗДЫ

Предание

Когда скончались племена,
Что были звери здесь и птицы,
Тогда ущербная Луна
Ждала совета от Зарницы.

Когда скончались племена,
Что были птицы здесь и звери,
Вмиг стала звездной вышина,
Чтоб в мире не было потери.

И вон – созвездие Орла,
И вон – созвездье зоркой Рыси,
Вся степь небесная светла,
Покрыты душами все выси.

А та звезда, чей яркий сон –
Меж малых звезд в узоре тесном,
То Ворон, Черный, это он,
Со свитой жен, в пути небесном.

ЧАС ЛЮБВИ

Песня

Выходи, дочь моя, чтоб тебя,
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Ел, любя.
Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будет есть, ты на вкус так нежна.
Свежий мед
Будет есть, будет пить,
Обоймет,
Будет пить,
И любить.
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тускло, – о, верь.
Выходи, дочь моя, чтоб тебя,
Кто-нибудь,
Пав на грудь,
Сжал, любя.

РОНО-АКУА

(Гавайи)

Роно-Акуа в Гавайях зеленых,
В древние дни, над морской глубиной,

Жил на полянах, бродил и на склонах,
Вместе с своею красивой женой.
Каики-Рани-Иари-Опуна.
Так называлась владычица грез.
Дом их – скала. Над кипеньем буруна.
Некто однажды взошел на утес.
Голос раздался к владычице Рано:
«Каики-Рани, шлет милый – привет.
Мужа оставь. И красивое лоно
Милому дай. С ним разлучности – нет».
Рано, услышав притворные речи,
Схвачен безумьем, супругу убил.
Долго искал с ненавистником встречи,
Плакал о нежной, с кем счастлив он был.
Все он, безумный, избегал Гавайи,
Бешено бился со встречным любым,
Встречных избил он огромные стаи.
Люди дивились «Он Злым одержим!»
Рано отвечив: «Да, я безумный,
Но любовь моя к ней велика.
Ибо в тиши, и над бездною шумной,
Вижу ее, но она далека».
Игры устроив, в поминки желанной,
Рано промолвив «Прощайте» друзьям,
В море пустился в пироге трехгранной,
К дальним, к туманным, к безвестным краям.
Все ж возвестил он из бездны кипучей:
«Я возвращусь, как пройдут времена,
Будет пирогой мне остров плавучий,
Там будут ветви – цветы – тишина».

МЕРТВ МОЙ ВЛАДЫКА И ДРУГ

Мертв мой владыка и друг,
Мой друг в дни голодные, в час темноты.
Мой друг в дни, когда все иссохло вокруг,
Мой друг в долгий час нищеты,
Мой друг в дождь и ветер, и в солнце, и в зной,
Мой друг в горной стуже, на злой вышине,
Мой друг в град бичующий, в вихрь круговой,
Мой друг в тишине,
Мой друг в переменах восьми морей.
Мой друг, мой угадчик. Беда мне, беда!
Мой друг отошел, друг всей жизни моей.
Уж он не придет, никогда.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЬ

(Два голоса)

Нет для меня больше жизни, осталось лишь зло.
Солнце, чей свет согревал меня, Солнце зашло.
Месяц, который светил мне, ушел в темноту,
Звезда, что вела, отошла, умерла налету.

Все потерял я, отныне нет счастья дней,
Нет больше радости сердца, улыбки моей.
Тот, кем был жив весь народ наш, ушел навсегда.
Что с нами будет! Нет жизни. Лишь смотрит беда.

Я – схороненный отныне в глубокой ночи,
Горечь – мне Море, в ней все потонули лучи.
Я погружаюсь в пучину, бессильно весло,
Солнце, что грело и пело мне, Солнце зашло.

ЭЛЛАДА

ОРФЕЙ

Гимны мистерий

1. ГИМН К НОЧИ

Воскурение светильников

Ночь, жизнь нам даровавшая Богиня.
Целительный родник успокоенья,
Богов первоисточник и людей;
Внемли, благословенная Киприда,
Одетая сияньем многозвездным.
В молчаньи Сна эбеновая Ночь.
Мечты и сны – в твоей туманной свите,
И длишь ты мрак, напев рождая пирный,
Рассеиваешь скучную заботу,
Веселья друг, на вороных конях,
Вокруг Земли ты шествие свершаешь.
Богиня привидений и теней,
День делишь усыпительною властью,
И, выполняя приговор Судьбы,
В глубокий Ад, от зренья смертных дальний,
В Ад глубочайший посылаешь свет:
Необходимость Мира признавая,

Куешь для Мира строй алмазных уз.
Склони, Богиня, слух к словам молений,
Желанная для всех, у всех в почете,
Благослови, и страхи разгони
Грозящей тени сумрака немого.

2. ГИМН К НЕБУ

Воскурение ладана

Великое раскинутое Небо,
Чей мощный свод не ведает, что – отдых,
Отец всего, откуда Мир возник;
Источник и конец всего, родитель,
Вкруг этого Земного Шара вечно
Кружащийся; безмерный сад Богов,
Предел всего, и всех вещей хранитель,
Включающий в своем обширном лоне,
И в складках круговых нужду Природы,
Ее Необходимость роковую.
Эфирный мир, земной, и многоликий,
Лазурный, полный форм, и самовластный.
Сатурна ключ, и Хроноса источник,
Всевидящий, навек благословенный,
Возвышенно-святое Божество,
Будь благосклонно к робкому мистерий,
И увенчай коснувшегося тайн.

3. ГИМН К ЭФИРУ

Воскурение шафрана

Эфир, ты, никогда не покоренный,
Возвышенный, в Зевесовых владеньях;
Часть Звезд большая, часть Луны и Солнца.
С блестящим, ослепительным огнем;
Огонь, всепокоряющая сила,
Сияющий Эфирностью огонь,
Чей блеск живой рождает пламя жизни:
Вселенной наилучшая стихия,
Цветок роскошный, с властью светоносной,
Разубранный в сиянье сонмов Звезд;
Услышь мое просящее моленье,
Будь вечно ясен, кроток, и лучист.

4. ГИМН К ПЕРВОРОДНОМУ

Воскурение мирры

Могучий Первородный, зов услышь,
Двойной, яйцерожденный ты, сквозь воздух
Блуждающий, могучим ревом бык;
На золотых крылах своих пресветлый,
Живой родник племен Богов и смертных.
Неизреченный, скрытый, славный, власть,
Цвет всех сияний, всех цветов и блесков.
Движенье, сущность, длительность, и самость,
Ты ото тьмы освобождаешь взор;
Протогонос, могучий Первородный,
Всемирный свет, небесно-осиянный,
Ты, вея, чрез Вселенную летишь.
Приап, блеск темноглазый и веселый,
Благословенный царь, тебя пою.
Склонись с благоприятным светлым ликом
На таинство священное, что здесь.

5. ГИМН К ЗВЕЗДАМ

Воскурение ароматов

Мой тихий зов – к вам, Звезды, сонм верховный.
Святые светы, демоны Небес
Небесное потомство темной Ночи,
В вертящихся кругах ваш свет лучится,
Бессмертные огни небесной выси,
Источники всего, что здесь внизу.
Судьба вложила в вас значенье ваше,
И людям вы простерли светлый путь.
В семи блестящих поясах сияет
Блуждающий ваш свет, Земля и Небо
Вам образуют искристый наш свод,
Нетленно, негасимо, нерушимо
Сквозь ткани Ночи светит сноп лучей.
Привет вам, вечно-бдительные светы.
Пошлите мне содружественность блесков,
Сознательными ясными лучами
На таинства излейте благодать.

6. ГИМН К ЛУНЕ

Воскурение ароматов

Услышь мой зов, Владычица Богиня,
Идущая в серебряных лучах,
В уборе из рогов быка могучих,
В великом круге, с свитою из Звезд,
Свет Ночи темной засветив над Миром;
Ты, с женской красотой, с мужскою властью,
С природою двойной и переменной,

То полная как круг, то вся ущерб,
Мать месяцев, твой путь горит плодами,
В Ночи родится полдень отраженный,
Твоим янтарным шаром он зажжен;
Конелюбивая Царица Ночи,
Всевидающая сила, озаренье,
Внимательно-глядящая, врагиня
Борьбы, мир возлюбившая и жизнь,
Лампада Ночи, украшение Ночи,
Любовная свершительница мыслей,
Ты цели все ведешь к концу в Природе.
Царица Звезд, всемудрая Диана,
В красивом многозвездном одеянии,
В покрове пышном нежная Богиня,
Зажги светильник лунный для меня,
И озари – тебе и тайне – верных.

7. ГИМН К ОБЛАКАМ

Воскурение мирры

Вы, Облака воздушные, по светлым
Долинам Неба бродите, рождая
Обильные течение дождей;
Весь влагою насыщенный, ваш образ
Проносится под бурными ветрами,
Вы кормите расцветы и плоды,
Над травками блуждаете вокруг Мира,
Вы громкозвучны, темны, с львиным ревом,
С прорывами огней, с могучим громом,
Вас воздух неоглядный приютил.
Плывете вы, и правит парусами
Веселая и звучная гроза.
Но с нежным ветром очертанья ваши
Зову дать светлых капель для Земли.

8. ГИМН К ЗЕМЛЕ

Воскурение всякого рода семян, исключая бобов и ароматов

О, мать Земля, родник Богов и смертных.
Обильная, всегубящая сила,
Ты разрушаешь в миг, когда творишь;
Родительница всех, ты расцветачешь
Цветы меж изумрудов и плоды.
Вселикая, упор миров бессмертных,
Венчанная безмерностью отрад;
Из чрева у тебя, как бы от корня,
Который без конца, многообразно

Растут плоды, побеги, крепнут в соке.
О, ты, широкогрудая, с лугами,
Где зелен пышно-вьющий убор,
Как нежен дух твой свежий за дождями.
Всецветный Демон, средоточье Мира,
Вокруг тебя несутся брызги Звезд,
Как кинуты, прекрасные, так вечно
И мчатся в дивно-яростном круженьи.
И несравненна мудрость их и блеск.
Внемли, благословенная Богиня,
Умножь везде душистые плоды,
И с красочною свитой Смен Года
Молящего тебя благослови.

9. ГИМН К ЛЮБВИ

Воскурение ароматов

Великая Любовь, тебя зову я,
Источник самых нежных наслаждений.
Ты, чистая, манящая наш взор;
Стремительный, стрелоподобный Гений.
Порывно-неудержное желанье,
Богами ты и смертными играешь,
Ты шутишь, ты блуждающий Огонь,
Двойной, проворный, ты звенишь ключами
Земли и Неба, Воздуха и Вод,
Ключарь воздушный, Морем ты владеешь;
Тебе – поля обильные Цереры,
Все то, в чем жизнь, и без чего нет жизни,
Все то, что мрачный Тартар скрыл в себе,
Вся глубь, вся широта, вся бесконечность,
Тебе – все многоликости Природы,
Один, во всем, всемирно правишь ты.
Приди, взгляни на таинства, будь наш,
И отврати безумные желанья.

10. ГИМН К ОКЕАНУ

Воскурение ароматов

Я Океан зову, что в вечном токе,
Равно родник Богов и человеков;
Неосквернимо-царственный Владыка,
Чьи воды замыкают круг Земли;
Отсюда – реки, Море истекает,
Журчащие прозрачные ключи.
Внемли, Могучий, ты царишь безбрежно,
Из всех властей божественных, о, Царь,
Ты в Мире величайший Очиститель.

Земле ты ставишь дружески предел,
Ты водоем предельности полярной,
Окружно катишь ты просторы волн.
Будь к нам, Зеркально-ясный, благосклонен,
Все наши тайны-таинства – твои.

11. ГИМН К ФУРИЯМ

Воскурение ароматов

Внемлите, свита Фурий Вакханальных,
Кричащих. Силы страшные, зову вас,
Глубокие, ночные, в мире тайн
Вы кроетесь, и все вас почитают,
Алекто, Тизифона и Мегера,
В провале вы, пещерном и ночном,
Где Стикс течет, невидимым для зренья.
К нечестью человеков вечно-близки.
Фатальны, их карать спешите вы.
Орудье ваше – пытка, скорбь, и мщенье,
Вы сильны тем, что сущность ваша – месть.
Чудовищные девственницы, ужас,
Который остается навсегда,
Многообразный, страшно разноликий,
Чье местопребыванье – нижний Ад;
Воздушные, незримые для смертных,
Порывистые, быстрые, как мысль.
Напрасно Солнце, с озареньем ярким,
Напрасно нежно-кроткая Луна
Свои касанья к мудрости протянут,
Искусство не возбудит наш восторг,
Коль вас не будет в заговоре этом,
И вы не отвратите прочь свой гнев.
Над пламенем неисчислимым смертных
Блюдете вы, и прав ваш приговор.
Придите, змеевласые, о, Судьбы,
Чей дивный вид так страшно многолик,
Склонитесь к нашим таинствам без гнева.

12. ГИМН К ЗЕФИРУ

Воскурение ладана

Рожденный Морем, с Запада летящий,
Воздушный, нежно-легкий Ветерок,
Усталому труду дающий отдых.
Лепечущий, весенний, травянистый,
В морях глубоких кораблям приятный;
Услышавши дыхание Зефира,
Они плывут в своем предназначеньи.

Зефир незримый, вольный, легкокрылый,
Овей меня, овей меня слегка.

13. ГИМН КО СНУ

Воскурение мака

Сон, Царь Богов и смертных, Царь всего,
Лелеемый праматерью Землею;
Владычество твое одно верховно,
Все знает Сон, ты веешь надо всем.
Ты все тела, с умом, к добру наклонным,
В немедные оковы заключаешь.
Заботам ты велишь смежить глаза,
Усталому стремленью быть спокойным,
И огорченья более не плачут.
Твои воздушно-нежные оковы
От темной мысли душу берегут,
И даже ужас смерти погашают;
Недаром Смерть и Лету нарекли
Здесь близнецами, с влагой струй забвенных.
Склонись ко мне дремотно-благосклонный,
Позволь мне в кротких таинствах побыть.

САФО

1

Звезды быстро прячут светлые лики.
Чуть Луна, показавшись, свет свой прольет,
Так, чуть явишь ты свой вид среброликий.
Нежных дев вмиг бледнеет весь хоровод.

2

Кругом – свежий ропот в ветвях
Яблонь, и вот уж листвы зашуршавшей,
Как дождь-перешепот, струится он.

3

Зашла Луна,
Зашли Плеяды,
Час поздний ночи,
Уходит время,
А я одна.

4

Сладкий яблочк краснеет, там на верхушке, вдали.
Сверху – на ветке верхней: рвали – срывали – забыли.
И не забыли, пожалуй, а просто достать не могли.

5

Беспер, ты, что приводишь все, что заря рассеивает,
Коз, и ягнят, – ты приводишь с вечером к матери дочь.

6

Вот, счастливый супруг,
Свадьба, которой желал ты.
Брак совершен, и с тобой –
Та дева, которой желал.

7

С чем, о, любимый, тебя я, с чем я сравню?
С гибкою веткой тебя я, с веткой сравню.

8

Девственность, девственность, стой! Ты куда?
Я к тебе не вернусь, не вернусь, никогда.

СКАНДИНАВИЯ

МИРОЗДАНИЕ

(Voluspa)

Довременны были времена,
Как хозяйничал Имир,
Не было ни Моря, ни песков,
Ни прохладных струй,
Не было Земли, ни Неба сверху,
Пасть была, и не было травы.

Не было стеблей, одно жерло!

Перед тем как плоскость вверх подъяли
Первородного сыны,
Те, что создали Мидгард,
Дивный Город Средоточья,
Солнце с Юга засияло
На чертоги сокамнений,
И тогда травой зеленой
Почва обросла.

Пребывали в Идавелли,
В круге действ неутомимых,
Асы, те, кем был воздвигнут,
Высоко оплот святынь.
Очаги они сложили,
И выковывали золото,
И щипцы изготовляли,
И орудья создавали.
И они играли в кости
Во дворе.

Были веселы, и не было
Им в злате недостатка,
До тех пор как три пришли
Исполинши-Девы к ним,
Мощные из Иотунгейма.

ГИБЕЛЬ МИРА И ВОЗРОЖДЕНИЕ

(Voluspa)

Солнце чернеть начинает,
Погружается в Море Земля,
Исчезают с Небес
Лучезарные звезды;
Дым бушует, и, жизни питатель, Огонь,
До самого Неба высокий вздымается зной.

Провидица видит опять,
Как вторично Земля выступает из Моря,
И свежая зелень на ней;
Водопады кипят,
Над ними Орел пролетает,
За рыбой охотясь в горах.

Асы сидят в Идавелли,
О Змее великом их речь,
Сжимающем звеньями Землю,

Вспоминают о мощных событиях,
Вспоминают о том, что о Высшем
Старинные руны гласят.

Находят потом между трав
Золотые чудо-таблицы,
Которыми в оное время
Владели они.
Без посевов – на пашнях хлеба,
Из злого встает улучшение.

Бальдер придет:
Гедер и Бальдер
В победных чертогах живут
Верховного Рупта,
В доме Богов-Бойцов.
Что еще может знать кто-нибудь?

РЕЧИ ВЫСОКОГО (ОДИНА)

(Эдда)

1

Другом для друга мужчина быть долженствует,
Другом его, и его друзей.
Другом для друга недруга быть да не смеет
Никто понимающий дружбу друзей.

2

Молод я некогда был, блуждал одиноко.
Заплутался в путях.
Богатым себе показался, другого нашедши,
Мужчина мужчине есть радость во днях.

3

Не только великое нужно давать человеку,
Можно нередко малым снискать нам хвалу.
Половиною хлеба, вполвину уж выпитым кубком
Друга себе я нашел.

4

Головня головнею живится, огонь огнем,

Пламя играет от пламени.
Мужчина от речи становится более мудрым,
От молчанья тупеет надменного.

5

Огонь наилучшее есть между детей человека,
И солнечный лик,
И здоровье телесное, раз человеку возможно
Без бесчестия жить.

6

Невполне человек злополучен, хотя бы он был больным.
Один сыновьями богат,
Другие друзьями, другие богатством владений,
Иные величием дел.

7

Лучше живому, чем мертвому в мире,
Он еще может иметь стада.
В доме богатого видел огонь в очаге я,
Сам же он мертвый пред дверью лежал.

8

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Не умирает, не ведает смерти одна лишь
Добрая слава людей.

9

Умирают стада, умирают друзья,
Умирает и сам человек.
Я знаю одно, что не ведает смерти: –
Приговор над любым, кто мертвец.

БРЕТАНЬ

РЯДЫ

(Друид и ребенок)

Все красивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ты хочешь, чтоб спел пред тобой?

– Ты о ряде мне спой одного,
Пока я не запомню его.

– Для счисленья один – ряда нет,
Неизбежность одна, кладезь Бед,
Смерть, а до – ничего больше нет.

Все красивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ж сегодня мне спеть пред тобой?

– Спой о ряде мне двух, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Два быка, а в упряжке одной,
Пред одною идут скорлупой.
Вот помрут. Видишь их, нежный мой?

– Спой о ряде мне трех, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Тройствен мир, у него три лица,
Три начала и три есть конца,
Муж и дуб ждут того же венца.

Три есть царства Мерлина, и в них
Свет цветов, свет плодов золотых,
В свете дети, с улыбками их.

– Спой про ряд четырех, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Счет четыре – Мерлин, счет камней,
Тех, чтоб меч отточить нам острей,
Чтоб сражать лезвиями мечей.

Все красивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что ты хочешь, чтоб спел пред тобой?

– Спой о ряде пяти, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Пять полос у Земли, пять веков

В океанности наших часов,
У сестры нашей пять маяков.

– Спой о ряде шести, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Шесть младенцев из воска, тень сна,
Их живит своей властью Луна,
Ты не знаешь, я знаю сполна.

Шесть целительных трав в кипятке,
Карлик сок их смешал в котелке,
Палец в рот – слышит все вдалеке.

Спой о ряде семи, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Семь есть солнц, семь есть лун, семь планет,
И Наседка в ряду этих смет,
Семь Стихий, в них мука – точек свет.

– Спой о ряде восьми, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Восемь ветров и восемь огней,
Вместе с Высшим Огнем Майских дней,
Что горят на горе мятежей.

Восемь белых, как пена, телиц,
Выгон их – остров вод без границ,
Восемь их у Царицы цариц.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что мне сызнова спеть пред тобой?

– Спой про ряд девяти, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Девять маленьких рук над гумном,
Возле Башни, где ночью и днем
Стонут матери, девять числом.

Корриганы, – цветы в волосах, –
Пляшут в белом, их девять в ночах,
Близ ключа, в полнолунных лучах.

Кабаниха, семья кабанят,
Девять, хрюкают, роют, ворчат,
А кабан возле яблони, – рад.

– Спой про ряд десяти, для того,

Чтобы мог я запомнить его.

– Десять вражьих идут кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вам десять скорбей.

– Ряд одиннадцать спой, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Вон жрецы, глянь, одиннадцать встреч,
То Венеды, с кровавости сеч,
Глянь, у каждого сломанный меч.

В запыленных покровах своих,
В окровавленных, в пятнах густых,
Было триста, – одиннадцать их.

Всекрасивый ребенок, живой,
Луч Друида, скажи, нежный мой,
Что еще мне пропеть пред тобой?

– Ряд двенадцать мне спой, для того,
Чтобы мог я запомнить его.

– Месяц к месяцу, знаки сквозь мглу,
Их двенадцать, пропевших хвалу,
И Стрелец уж спускает стрелу.

Знаки, знаков двенадцать, война,
Со звездой Корова, черна,
Весь прошла Лес Останков она.

В грудь вонзилась жалом стрела,
Кровь течет, горяча и светла,
Лик с мычанием вверх подняла.

Рог звучит; огонь и гром; ветер и свет;
Гром и огонь; дождь; утраченный след;
Ничего; ничего; ряда нет.

Вон жрецы, глянь, одиннадцать встреч,
То Венеды с кровавости сеч,
Глянь, у каждого сломанный меч.

Десять вражьих идут кораблей,
Десять гибелей между зыбей,
О, Венеды, вам десять скорбей.

Девять маленьких рук над гумном,
Возле Башни, где ночью и днем,
Стонут матери, девять числом.

Восемь белых, как пена, телиц,
Выгон их – остров вод без границ,
Восемь их у Царицы цариц.

Семь есть солнц, семь есть лун, семь планет,
И Наседка в ряду этих смет,
Семь Стихий, в них мука – точек свет.

Шесть целительных трав в кипятке,
Карлик сок их смешал в котелке,
Палец в рот – слышит все вдалеке.

Пять полос у Земли, пять веков,
В океанности наших часов,
У сестры нашей пять маяков.

Счет четыре – Мерлин, счет камней,
Тех, чтоб меч отточить нам острей,
Чтоб сражать лезвиями мечей.

Тройствен мир, у него три лица,
Три начала, и три есть конца,
Муж и дуб ждут того же венца.

Два быка, а в упряжке одной,
Пред одною идут скорлупой.
Вот помрут. Видишь их, нежный мой?

Для счисленья один ряда нет,
Неизбежность одна, кладезь Бед,
Смерть, а до – ничего больше нет.

ПРОРОЧЕСТВО ГВЕНК`ГЛАНА

1

Если Солнце заходит, если Море грозней,
Я пою на пороге перед дверью моей.
В оны дни пел я звонко, пел всю юность мою.
Дни прошли, вот и старость, я пою и ною.
Я пою днем и ночью, для меня нет – доколь,
И, однако, я горе, и, однако, я боль.
Коль главой поникаю, коль страдание я,
Есть на это причина, то не прихоть моя.
Тут не то, чтобы страх был, раз убьют, суждено.
Тут не то, чтобы страх был, жить мне было дано.
Раз меня ты не ищешь, ты меня обретешь,
А когда меня ищешь, ты меня не найдешь.
Что случится, – неважно. Рок сужден, – он с тобой.

Умереть нужно трижды, лишь за этим – покой.

2

Вот я вижу, из леса выступает кабан,
Он хромает, он ранен, у него много ран.
Кровью глотка зияет, а щетина седа,
Вкруг него кабанята, голод – малых страда.
Вот я вижу, навстречу конь выходит морской,
В страхе берег трепещет, волны плещут «На бой»!
Бел и он, белоснежен, а челом сребролит,
Молнегромные ноздри, вал под белым кипит.
Встали кони морские, – пруд с травой, рой густой.
– Конь морской! Крепче, крепче! Бей его! Смело в бой!

Кровь. Нога поскользнулась. Бей сильнее, сильней!
Прямо в голову! Крепче! Кровь ручьем! Бей же! Бей!
До колен кровь доходит! Дли, в багряном, игру!
Бей сильней! Бей сильнее! Отдохнешь поутру!
Конь морской, бей сильнее! Бей сильней! Бей сильней!
Прямо в голову! Крепче! Бей еще! Бей! О! Бей!

3

Я тихонько в могиле спал и спал, мгла росла,
Вдруг в безмолвии ночи я услышал Орла.
Всех орлят созывал он, всех, кто быстр в небесах,
Говорил: Поднимайтесь на своих двух крылах!
Не для мяса гнилого псов, овец, стройтесь в ряд,
Христианского тела наши клювы хотят.
– Ворон моря, поведай, у тебя что в когтях?
– Голова полководца, в красных вруюсь глазах.
У него вырывал я глаза потому,
Что твои он исторгнул, погрузив тебя в тьму.

– Ты, лисица, ответствуй, что там держишь, скажи?
– Я держу его сердце, – как мое, сердце лжи.
Потому это сердце я держу, что оно
Смерть твою поманило, и ты умер давно.
– Ты мне, жаба, промолви, ты во рту у него
Почему притаилась? – Поджидаю его.
Как душа его будет проходить, тут в меня
И войдет, и замкнется до последнего дня.
То – возмездье за злое, что над Бардом свершил,
Он меж Рок'х и Порзгвеном не живет, там, где жил.

ПЬЯНОСТЬ СОЛНЦА И ПЛЯСКА МЕЧА

Белое есть вино,
Так пьяно!
Белое есть вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Красная кровь с вином
Бьет ключом,
Красная кровь с вином,

Новое пить вино
Суждено,
Новое пить вино.

Лучше вино, чем мед,
Жарче бьет,
Лучше вино, чем мед.

Галльский тот сок – живит,
Яблок спит,
Галльский тот сок – живит.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Галлы, лоза для вас,
В быстрый час,
Галлы, лоза для вас.

Ты же, Бретонец, пей,
Пьяность лей,
Ты же Бретонец, пей.

Белое свет-вино
Нам дано,
Белое свет-вино.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Кровь и вино слились,
Вот, зажглись,
Кровь и вино слились.

Белое с красным жжет,
Пламя вот,
Белое с красным жжет.

Галльская кровь течет,
Спутан счет,
Галльская кровь течет.

Выпил я кровь с вином,
Пьян огнем,
Выпил я кровь с вином.

Кровь и вино пьянят,
Блещет взгляд,
Кровь и вино пьянят.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

2

Пляска, вино и кровь
Солнцу вновь.
Пляска, вино и кровь.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Пляска, и песнь, и бой,
Круговой,
Пляска, и песнь, и бой.

Пляска меча, кругом,
Жизнь с мечом,
Пляска меча, кругом.

Меч, голубой, как твердь,
Любит смерть,
Меч, голубой, как твердь.

Синяя песнь меча
Горяча,
Синяя песнь меча.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

Бой, где владыка – меч,
В вихре сеч,
Бой, где владыка – меч.

Меч властелин людей,
В битвах дней,
Меч властелин людей.

Радуга пусть горит,
Меч с ней слит,
Радуга пусть горит.

Огонь! Сталь! Огонь! Огонь! Дуб и Сталь!
О, Дуб! Земля! Вода! Вода! Земля и Дуб!

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ЕГИПЕТ

«Предстание пред Ликом Дня», более известное Европейцам как «Книга Мертвых», представляет из себя один из древнейших памятников благоговейной Человеческой Мысли. Молитвенные песнопения, заклинанья и религиозные помыслы, составляющие эту цельную слитность Египетских текстов, были записаны, загадочными письменами, на стенах гробниц и саркофагов, на траурных колоннах, папирусах и амулетах. Египетский народ был одним из самых религиозных народов, когда-либо существовавших на Земле, и цель этих молитвенных в заклинательных надписей – удостоверить благое состояние отшедших за пределами посюсторонней жизни. Тексты эти, главным образом, были найдены в Фивах. Эти благоговейные мысли возникали и светились в Египетских умах в течение многих тысячелетий, – и пяти, и семи, и свыше, – и были одинаково живыми – как перед умственными взорами Фараона, так и пред умственными взорами обыкновенного пахаря или рабочего. Это – мыслительный клад, сиянья которого распространялись одинаково на всех.

Религия древних Египтян, этих поселенцев из погибшей Атлантиды, так же как религия Майев и Мексиканцев, им чрезвычайно родственных, и тоже озаренных запоздалыми зорями Атлантиды, есть религия по преимуществу Солнечная. Благоговейным своим сознанием, Египтяне сливают в одну великую цельность небесные Светила с земными Цветами, Человеческий мир с миром Зверей и Богов, текущее Мгновение с безызмерною Вечностью, и здешнее Сегодня с запредельным Завтра. Поэтому все Искусство Египтян отмечено печатью высокой взнесенности, каждая фигура их живописи, каждое изваяние изумительной их скульптуры, каждая черта всего строя их мысли и их исторического лика – полны тонкой духовности, завершенной идеальности, как завершены в своей красоте, и не могут быть иными, стебель папируса, нежный лотос, строгий стих и математическая фигура.

Гимнов к Солнцу у Египтян много, – кому же и петь хвалы, как не ему, в этой бездождной, но пышно цветущей озаренной долине, – и в каждом гимне они творчески сливают лик Солнца видимого с ликом Солнца духовного, властью которого идут и ведутся миры. Я выбрал отрывки, которые казались мне наиболее отличительными. Кто хочет вполне воспринимать Египетские песнопения, тот должен, конечно, обратиться к изучению Египта, литература о котором подробна и огромна, и при этом находится не в законченности, а в движении. Но многое из красоты этих гимнов просвечивает и для каждого внимательного взгляда, без специальных изучений. Изъяснение тех слов и имен, смысл которых недостаточно явствует из самого текста, я прилагаю.

Ра – Солнце, творец Мироздания. Ветхий деньми, Выходящий из-за горизонта, Содружный с Утренней Звездой, Обожаемый глазами, он в некоторых надписях является

более древним, чем самый Небосвод. Главное местопребывание Солнечного культа в Анну [греческое Гелиополис]. Ра обычно изображался в лик человека с головою сокола, увенчанного солнечным диском и уреем [кобра]. В левой руке его – царственный скипетр. В правой – знак жизни, крест тау с вершинным яйцевидным ободком. Зоркий и сильный, змейнопроворный и неуловимый, стройный и вечно живой. Будем как он. Будем как Солнце.

Хепер, или Хепера, Самосозданный, создатель Богов, символ Возрождения, он есть также одна из ипостасей Восходящего Солнца. Знак его – священный скарабей. Он изображается как человек с священным жуком над головой или с жуком вместо головы. На стенах погребальных зданий он плывет в скользящей ладье Солнца.

Нёт, женская основа небесного Океана, Ну. Она изображается как выгибающаяся дугою свое звездное тело над Землей, которой она, выгибаясь, касается кончиками пальцев рук и ног. Иногда она изображается также даятельницей молока, коровой.

Ману – гора Заката.

Маат – воплощение Порядка и Стройности, жена Измерителя, Тота, дочь Ра. Она Властительница Неба, Правительница Земли, и Главенствующая Мира Запредельного. Она изображается как сидящая женщина, с дыбющимся пером Справедливости на голове. Иногда с повязкою на глазах. В левой руке ее – цветочный скипетр. В правой – знак жизни.

Геру-кхути [Гармахис], Горус с двумя горизонтами, есть одна из ипостасей Солнечного бога, особенно бога Восходящего Солнца, и как таковой представляемый Великим Сфинксом. Он изображается с головою сокола, и с диском, также как с уреем.

Бакхатет – гора Востока, обратный Солнечный полюс по сравнению с горой Ману.

Тот – Лунный бог, изобретатель точных знаний, письмен и искусств. Это он написал священные Книги, и вместе с Изидой обладал великими знаниями в магии. Иногда он является в лике ибиса, но большею частью как человек с головою ибиса, над ней полумесяц и диск, в руках – кисть и перо, или зазубренная от метинами длинная пальмовая ветвь. Греки отождествляли его с Гермесом Трисмегистом, имя которого священо через века для каждого, кто в той или иной мере соприкасается с Тайноведением.

Себау – Лик Демонов, змееликий сонм Дьяволов, врагов Света. Колыхающийся пред лучами, Сумрак лишается рук и ног пред победным ликом Солнца.

Апеп, иначе Апепи, великий многоликий Змей, враг Солнца, и воплощение духовного Зла. Он изображается как Змей, с многочисленными извивами, в каждый из которых воткнут нож. Солнце, встречая Апепу с его воинством, бьется с ним всю ночь до зари. Иногда этот Демон отождествляется с Тифоном. Он силен, темен, и облачен. Лишь огонь и кремневый меч бога Солнца загоняют его в подземные пещеры. Один из его имен есть Ревун. Он изображается слепым.

Абту – священная рыба, которая на гробах и на других погребальных изображениях плывет при носовой части ладьи бога Солнца, также как рыба Ант.

Горус – сын Озириса и Изиды, то изображается как мальчик, то как юноша с головою сокола, Солнечная ипостась.

Озирис, величайшая из всех Сил, бог-царь Египта, даровавший людям свет знания, законы, научивший их молиться и возделывать поля. Сын Неба и Земли, супруг и брат Изиды. С именем Озириса были связаны все упования Египтян на жизнь будущую. Светлый символ Бессмертия.

Исповедь Отрицающаяся. Сень смертная, мир запредельный. Чертог двойной Маатии, то есть Чертог Изиды и сестры ее, Нефтис, символизирующих Правду и Справедливость. В Чертоге сидят или стоят 42 бога, к каждому из них обращается отшедший, и дает отрицательный ответ, – если он может дать отрицательный ответ, – на каждый из 42 основных вопросов, сводящих в одно целое этические представления

древних Египтян. В средоточьи кровли, украшенной карнизом из божественных уреев, и перьев, символизирующих Маат, сидит Божество, голубовато-зеленое, с руками распростертыми.

Аменти – Закатный край, страна Заходящего Солнца и Сени Смертной. Ее владыка – Озирис. Через эту Сень Смертную ночью Солнце должно свершать свой путь. Аменти разделено на двенадцать частей, полями, городами, домами, а через все это течет река по которой, в ладье своей, Солнце совершает обратный путь к Восточному краю. Многочисленные демоны, в лике зверином и человеческом, особенно же в лике змеином, осаждают его путь. «Он, что в Аменти» – есть Озирис в форме мумии. Отшедший, будучи отождествляем с Озирисом, победил всех своих недругов, – и как лучезарносияющий Ра прошел через Ночь, чтобы встать на Востоке, так Египтянин, осуществивший заветы, уйдя из этой жизни, проходит Сень Смертную и вступает в Жизнь Благословенную.

О священной птице Бенну, лучезарной прародительнице эллинского Феникса, и русской Жар-Птицы, есть красивое предание, что эта Возвратная [значение ее имени], – что птица эта с пением вознеслась из пламени, возникшего из особого дерева, и так было волшебным ее пение, что сам Ра слушал ее песню.

Сэт – ночной брат Озириса. Муж Нефтис. В ранние дни он был благоволительным. Позднее он стал не только богом Тьмы, но и богом духовного Зла. В дни упадка Египетского царства имя его, как отвратительное и ненавистное, уничтожалось на памятниках.

Тэм – ипостась Ночного Солнца. Самосозданный, Тэм есть создатель Богов и Человеков.

Изида, чье имя более знаменито среди Европейцев, чем имя кого-либо из Богов Египетских, есть дочь Сэба, Земли, и Нёт, Небосвода, сестра и супруга Озириса. Она всегда изображается как женщина, на голове которой, в виде украшения, трон. Престол есть и иероглиф для ее имени. Иногда голова ее украшена диском, рогами, и двойной короной. Воплощение красоты жены и матери. В преданьях о Солнечном боге ее именуют Великой Волшебницей. Нелишенная интереса гипотеза Американского писателя Лё-Плонжона, сделавшего чрезвычайно ценные раскопки в Уксмале и Чичен-Итца, где мне приходилось говорить о нем с туземцами, считает Изиду одною из Майских цариц, бежавшей из Майи, от преследований влюбленного в нее брата, убившего ее мужа-брата, в Египет, как в родственную Атлантову колонию. Майская живопись и скульптура дают тень правдоподобия такой догадке, которую, однако, трудно принять.

МЕКСИКА

Если Египет озарен золотым, нежно-желтым Солнцем, Мексика вся освещена заревами Солнца алого. В ее гимнах слышишь песню крови. Ее главный бог – Вицтлипохтли, бог Войны, национальный бог Мексиканцев, особенно города Мехико. Он называется так же Левша, т. е. Южный. Он явился, и являлся, своим верным, в лике колибри, самой цветистой и самой сильной из птиц, несмотря на свою малость. Птица вечного движения, неустанного полета. Вицтлипохтли – исторгатель сердец, ибо, как известно, в Мексике пленников возводили, с целым рядом религиозных церемоний, на высокие пирамидные теокалли, и там жрец, обсидиановым мечом, высекал у пленного сердце, и приносил это, еще живое, дымящееся, сердце в жертву Солнцу, в чертоги которого, по смерти, возносились погибшие воители.

В «Песни Со-Щитом-Рожденного и Владычицы Земных Людей» рассказывается очень распространенная в древней Мексике легенда о рождении Вицтлипохтли Матерью-Девой. Эта легенда цветовыми и световыми своими эффектами напоминает златоцветную живопись Итальянских примитивов. Грозовой и облачный миф. Вечная борьба змеевидной молнии с чудовищами-тучами, которые она разбивает при их повторном множестве.

Иксосаукви, Желтоликий, или Ксиутекутли, Голубой Владыка, он же Куэцальцин, Священное Пламя, он же Уэуэтеотль, Древний Бог, он же Тота Наш Отец. Подобно этому и Агни, в «Ведийских Гимнах», четвероглазый бог с медовым языком, зовется богом среди богов, Хранителем, и Нашим Отцом. Мексиканцы говорили о боге Огня, что, будучи отцом всех богов, он пребывает в прибежище Воды, и между цветов, которые суть зубчатые стены между водных облаков.

«Песнь Облачных Змей», проникновенной своей срывчатостью, странно напоминает некоторые из оргийных песен наших Белых Братьев, когда они изображают сошествие Святого Духа.

Богиня Земли, Цигуакоатль, Женщина-Змея. См. о ней мое песнопение, под таким заглавием, в книге «Птицы в Воздухе», в отделе «Мая». Богиня Койоакана, древней столицы Мексиканских царей. Лик оленя, в котором она между прочим являлась верным, показывает, что она не только Воительница, но и богиня Огня, ибо у Мексиканцев олень означал огонь и огненный дождь. 13 – священное число у Мексиканцев. У жрецов, почитавших бога Воздуха, Кветцалькоатля, был тайный священный календарь с годом в 260 дней – 20 месяцев, по 13-ти дней в месяц. Этот календарь был основан на видимом движении Венеры, которая светила 260 дней как утренняя звезда и 260 дней как вечерняя. Общий календарь – 18 месяцев по 20-ти дней, с 5-ю добавочными заклетыми днями, в которые ничего нельзя было предпринимать.

«Песнь Богини Рождений» напоминает наши Народные заговоры. В одном из Мексиканских кодексов на черепахе изображается богиня агавы, Майяуэль. У ней было четыреста грудей – и она превратилась в агаву.

Ксочипилли, Царь цветов, Цветочный Властитель, был сверстником Макуильксочитля, бога игры, песни, и пляски, а также и любовной страсти. В точнейшем смысле, он бог Произрождения и Юный Маисовый бог. В одном из кодексов Ксочипилли, в пляске, изображен как бог Маиса, рядом с ним темный его товарищ Икстлильтон, бог пляски, против них – бог Ветра, Кветцалькоатль, и богиня Земли, Коатликуэ или Цигуакоатль. Ксочипилли разрисован красным, но верхняя половина лица его – желтая, а на нижней половине, окружая его рот, белым цветом отделяясь от зеленого фона, виднеется фигура мотылька. Он украшен перьями кветцалькокскокстли, – птица вроде нашего токующего тетерева. Эта птица поет на рассвете. Саагун приводит чарующие строки: «Уж начало светать, уж утренняя краска поднялась, уж песню начал огненный петух, уж огненная ласточка щебечет, уж вот порхают мотыльки огня». – Не только у Ацтеков, но и у других Мексиканских племен, Утренний бог есть Певец и бог Музыки. – Аииао, аииао, – Ацтекский припев, также как и напевные, полные гипнотизирующей музыкальности, слова в «Песни Бога обновленных Полей».

Тлалок – бог Влаги. О нем также см. «Майю» в «Птицах в Воздухе».

Чикомекоуатль, Семизмейная, богиня Маиса, есть как бы воплощение числа 7. Это число в ряду чисел 1 – 13 стоит как раз посередине. Поэтому она означала сердце в человеке. Число 7 – самое счастливое [el setimo numero de todos los signos era bien afortunado у prospero]. Эта песня пелась во время посева маиса. Тамоанчан – Закатный Край, Дом Нисхождения, Дом Рождения.

Ксочикветцаль, Изумрудная Роза, Богиня Цветов и Любви, раньше была супругою бога Дождей, Тлалока, но Дразнитель Двух Сторон, Тецкатлипока, украл ее у него, унес ее на девятое небо, и она стала богиней Любви. Она там царит, в Тамоанчане, растет там цветущее Древо, и воздуха там весьма прохладительные и деликатные. Она

покровительница беременных, ткачих, и швей. Не ткнут ли стебли свой наряд? Не исполнены ли луга самым узорным вышиваньем? Не таит ли стебель всегда в своем лоне новую, еще не тронутую взглядом, красоту, которую вот-вот он родит, которая вот-вот засияет своими детскими глазками? Жители теплых долин, в южных частях Мексиканского плоскогорья, праздновали, в нашем месяце Октябре, праздник Ксочикветцаль, и при этом мальчиков и девочек лет девяти-десяти напаявали допьяна, и предоставляли им свершать всякие несдержанности. А разве цветы не посылают друг другу цветочную пыль, едва лишь успеют раскрыться? Тласкальтеки свершали праздник в честь Розы Изумрудной и в честь бога Охоты одновременно, и во время этого праздника много девушек приносили в жертву, и вольные девушки, подруги неженатых воителей, теснились, чтоб принять жертву. Потому богиня Цветов есть покровительница вольных девушек. Богиня, воплощавшая цвет изумрудный, была облечена в богатую одежду, и особым ее знаком было *omequetzalli*, на темени два пучка перьев изумрудной птицы кветцаль. Тамоанчан, мысленный Запад, египетское Аменти, символизуется в мексиканской живописи сломанным Древом, из раны которого струится кровь. Этот Запад и первичная Родина был Сад. Его постоянный синоним – *Xochitl icacan, где стоят цветы*. Саагун называет его *Рай земной, Paraiso terrenal*. В кодексе Борджиа, сломанное Древо, т. е. лик Тамоанчана, является гиероглифом легендарной птицы, голова которой образует гиероглиф 15-го годового праздника Майи, имя коего есть Моан, или Муан. Моан означает затуманенье, покрытье облаками. Цветы и Любовь уводят Мысль к Древу, и к облачной вершине его, к узорной туче, к огню, что рисует свои изломы в мгновении, перед паденьем бриллиантовых дождей. Солнечный бог Ксочипилли, третий из девяти владык часов ночных, покрывает все это цветистое счастье своим возрождающим поцелуем.

Пульке, национальный пьянительный напиток Мексиканцев, коим они упиваются изрядно в Предместиях города Мехико, и во многих городах и деревнях, в области Ацтеков, Цапотек, и иных. Это беловатый и сладко-освежительный, перебродивший сок агавы [магэй], их национального растения, из которого они делают решительно все, от пьянственного напитка до циновки под ноги и до орудий молитвенности, каковыми остриями, колючками агавы, они жертвенно пронзали себе уши, язык, и иные части тела своего. Тотохтин, Кролик, бог Пульке, также представлялся и богом Жатвы. Время жатвы естественно совпадало с приятною необходимостью опьянеться. Бог жатвы таким образом становился гением растения, ликом умирающего и возрождения Природы, причем самый сон опьяневшего как бы отображал эту временную смерть Природы, оцепенелую смерть, за которой не сразу, но встаешь освеженный. Таким образом, бог Пульке был двуцветный, он разрисовывался красными черным, он был слитием двух ипостасей, Солнца и Ночи. Пьянственный кролик находился также в тесном соотношении с Месяцем, который то прибывает, то убывает в своей круговой лунности, в пирной своей осиянности. Бог Пульке был украшен гиероглифом Луны, костяным полукольцом. Он звался также Тецкатцонкатль – бог с зеркалом в волосах, или бог Тецкатцонко, храма с зеркалами на коньке кровли. Опьянение от Пульке считалось священным. Вместе с соком агавы в человека входил властный демон, и опьяневший был одержимый. – «Песнь Бога Пульке» тоже напоминает, своим таинственным тоном, некоторые из Народных Русских заговоров. В книге фраи Мартина де Леона, изображающего исповедь в Мексике, в те дни как древняя религия Мексиканцев была еще жива, есть интересная подробность: – «Не плескал ли ты пульке в огонь, чтоб зазвездилась она, и чтоб узнал ты что-нибудь, услышав, не плачет ли он?»

Ксипе-Тотек, Земной Бог, есть Дух Полей. Его чествовали вовремя посева, в начальные дни весны. В это время свершалась жестокая жертва. В гладиаторской игре убивали военнопленного. Кровью его орошали землю, чтоб она была плодородной, а затем устраивался маскированный бал, во время которого жрецы, в особых костюмах, изображали все, что производит Земля. Этот бог был покровитель золотых дел мастеров.

Золотая Змея, огненная змея, делающаяся зеленой, означает переход от пустынного зноя к пышной растительности. В Мексике часто, много раз проходишь или проезжаешь по какой-нибудь равнине, и все видишь ее желтой и бесплодной. Отлучишься, а в это время начнется пора летних дождей. Вернешься, и не узнаешь прежней пустыни в этих зеленых оазисах. Так было со мною, когда я увидел окрестности Веракрус, сначала в Феврале, а потом в Мае и в Июне. Какой четкий и живописный образ – сказать о боге Маиса, что он – Вождь несчетных дружин. Так и видишь безбрежное желтое поле с этими мощными полновесными колосьями.

«Песнь Бога Обновленных Полей» – одно из лучших Мексиканских песнопений, в нем слышится голос Земли. Мелодический припев невольно переносит нас в эту живописную страну, где мысли, растения, и птицы красочны, и где бронзовые люди в каждом цветке чувствуют творящую, поющую, причудливую душу. Во время этого праздника Обновления, перед храмом бога Дождя, Тлалока, помещали водоем, наполненный змеями. Оттуда некие люди, так называемые *мацатеки*, зубами вытаскивали из воды живых змей, танцевали с ними круговую пляску и потом удушали их. Все Боги плясали на этом празднестве, в средоточии же божеского круга – Ксочикветцаль, Цветок изумрудный, богиня поцелуев и расцветных лепестков. И маска за маской проходили в весеннем танце. Полевые звери, птицы, бабочки, пчелы, жуки и мошки, гроздья плодов, маисовые колосья, за ними бедняки и люди, пораженные Тлалоком, а также птицы, посвященные богине Земли, совы и филины. Змеи в этом празднестве символизировали молнию. Колибри и другие цветные птицы, а также нарядные бабочки, это – души, умерших в битве, воителей. Они вознесутся в чертоги Солнца, побудут там, а потом порхают среди цветов, как мотыльки, или поют, как звенящие птицы, или безмолвно проплывают по Небу, как облака с золотыми краями.

Макуиль-Ксочитль, бог Пяти Цветков, бог Музыки и Игры, брат поцелуйного Ксочипилли. В то время как у Ксочипилли вокруг рта нарисовано изображение мотылька, вокруг рта у Макуиль-Ксочитля видны очертанья человеческой руки, символизирующей число 5. Он также и Ауйатеотль, бог Страсти. Недавно, в Мехико, при раскопках, на том месте, где был главный храм, нашли выкрашенное в красный цвет каменное изваяние этого бога, а вокруг него, тоже выкрашенные в красное, каменные и глиняные изображения музыкальных инструментов. Сделав Цветочного Властителя и Пятицветкового Бога братьями, и поцелуйными благословителями страсти, Мексиканская фантазия сочетала в весеннем нежно-брачном единении музыку, пляску, цветы и румяные губы, проникающие к румяным губам.

МАЙЯ

Майские руины, поныне живущие в глубине Центральной Америки, на Юкатанском полуострове, среди лесов Паленке, украшены гиероглифами, причудливость которых донныне еще не вполне разгадана. Однако Ф.-А. де Ларошфуко, в своей книге о Паленке, много сделал для их расшифрования, и его имя должно быть в ряду почетных имен, из которых первое – Брассэр-де-Бурбур, а наиболее важные из новейших – Альфредо Чаверо, Эдуард Сэлер, Август Лё-Плонжон и Целия Нутталь. Барельефные гиероглифы Паленке рассказывают поэму национального освобождения Майев от ига Тольтеков. В Майском календаре, как в Мексиканском, было 18 месяцев, по 20-ти дней в месяц, и 5 дней дополнительных. Этот счет помогает в расшифровке гиероглифов, он дал идею – чтения их треугольником. Священный треугольник, триада, есть ключ к Майским письменам. Среди гиероглифов, покрывающих своими запутанными узорами красивые пластины в храме Солнепоклонников, изобилуют

фигуры раковин, жемчугов, и приморских камешков, голышей. Любопытно, что звук, изображаемый Латинскою буквой *i*, в Майском алфавите имеет почти такое же начертание – дуга с двумя кружочками на каждом конце. Любопытно также, что звук *l* изображается у Майев фигурою эллипса, в которой внутри находится фигура греческого *tau*. «Слово о слове» Майского ваятеля кажется мне самым красноречивым гимном слову, какой где-либо мне приходилось встречать.

ПЕРУ

Подсолнечник, красующийся у нас на полях и в деревенских огородах, стал таким национальным Русским растением, что многие удивятся, если я скажу, что растение это Перуанское, а между тем это именно так. Подсолнечник и гвоздика, золотой цвет и красный, верно навсегда будут нам сиять и рассказывать своим сияньем, что грубая жажда золота однажды повлекла бледноликих хищников за моря, и там невинною кровью они залили узорные золотые сны Мексики и Перу. В Перу еще сильнее, чем в Мексике, был порыв душ к Солнцу, и храмы Солнца и Луны отличались поразительною пышностью. Хоровая песнь Перуанцев к Солнцу весьма типична для них, как своею нежностью, так и слитностью целого народа в одно целое. Перуанская культура представляет много достопримечательных черт, и между прочим любопытна тем, что в Перу каждый человек был поистине частью целого, в Перу не было забытых, как не было голодных, и хорошо ли это, или дурно, но руководящая государственная мысль обнимала, истинным попечением, безусловно всех.

«Владычица Влаги» – отображенье грозового мифа. Перуанский лиризм утончен и нежен, как их гончарное искусство. [В музее Трокадеро, в Париже, есть хорошая коллекция Перуанских ваз.]

Драма «Оллянтай» – один из немногих уцелевших памятников древней Перуанской литературы. Туйя – название одной американской маленькой птицы, которая в Перу, во время жатвы, причиняет значительные ущербы полям.

ХАЛДЕЯ, АССИРИЯ

Заклятье от Семи Губительных Гениев есть лучшее по силе заклинание, какое только есть во всемирной сокровищнице заговоров. Литература заклинаний вообще очень богата в Халдее. В ветрах пустынь есть много сказок, и много губительных веяний.

Эа – Морской царь и Владыка мудрости. Мирри-Дугга, иначе Мардук, есть Солнечный бог. Ипостась Бэла.

Ассирийцы, так же, как древние Иудеи, живописны в своем упоении кровью, битвами, издевательством над побежденным врагом. Все в словах Ассириянина выпукло, наивно в жестокой грубости, полновесно, как топор. Живопись Ассирийская, и стенные их украшения, это летопись крови, легенда убийства, узор войны, охоты и палачества. И вся Ассирия, в историческом лике своем, есть излюбленная фигура, созданная Ассирийским искусством: лев, пронзенный копьем, и в последней ярости бессильно грызущий древко, пронзившего его копья.

ИНДИЯ, ИРАН

Две прекрасные братские страны, родные нам, Европейцам, два великие народа, полные благородства мысли, уваженья к Человеческому Лику, влюбленности в Небо и Землю, в зиждательный труд, в красивое устроение жизни, благое, светлое, светоносное. Два великие утверждения, два завета, на которые можно опереться, мысля о созданы красивой справедливости, мысля о весенней жизни на Земле и о весенней Жизни за ее пределами.

Два братские народа, развив до полноты, каждый, единственный и неповторяемый лик свой, оба коснулись грани, полюса. Индия, будучи живой, постигла то, что связано с Полюсом Смерти. Иран, боле преданный земному, воплотил в своем религиозно-поэтическом творчестве очарование Жизни. Но как Индия, так и Иран, молятся Огню и Солнцу, мысли Парсов и мысли Индусов исполнены сияний, пряного запаха цветов, и свежего запаха полевых злаков. Только в утонченном поэтическом и философском восприятии Индусов более ощущается пьяный запах цветов, или боль сердца, в котором опьянение кончилось, а в полном мужественности жизнестроительстве Парсов, влюбленников Земли, чувствуется вся красота возделанного поля, поэзия тяжелого снопа. Но как у Индусов есть *сома*, так у Парсов есть *гаома*, духовный цвет – и тех и других – ведет к светлым экстатическим состояниям и вводит их в стройное Миропознание. И Начикетас, так же, как Заратустра, у самой Смерти исторг слова, которые хочется всегда слушать, и которые сочетают смерть с жизнью – светлую перевязью, морскими жемчугами, земными изумрудами, и всеозаряющими бриллиантами и сафирами Неба.

КИТАЙ

Китай, так же, как Египет, тысячи лет тому назад пережил то, к чему мы еще приближаемся, или только приблизимся, в нашем историческом Завтра. Китайская живопись, Китайская поэзия, и Китайская мудрость известны нам, сколько-нибудь, лишь по своему отображению в Японской призме. Мы еле-еле знаем, что та воздушность, утонченность и одухотворенность чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, например, восхищаемся в Японской живописи, в гораздо большей степени, и как в первоисточнике, существуют в том Солнечном царстве, чье имя Китай. Словам Китайского мудреца, Лаотце, уже за 3000 лет, а в них дышит свежесть задумавшегося Сегодня. И «Чи-Кинг». «Книга Стихов», ость собрание Китайских Народных Песен, которые начали собирать по благому почину императора Йя около 5000 лет тому назад. У Китайских императоров была счастливая мысль – ездить из области в область, слушать песни, которые поет Китайский народ, и поручать сведущим лицам собирать их в сборники. Так возникло это песнехранилище, «Чи-Кинг».

Уанг-Чанг-Линг, Тху-Фу, и царь Китайских поэтов, Ли-Тай-Пе, жили в первую половину нашей эры, а именно в 8-м веке. Ли-Тай-Пе был поэт-бродяга, предпочитавший вольность полей и дороги царскому дворцу.

ОКЕАНИЯ

Я готовлю в данное время целую книгу легенд, и книгу Мексиканских преданий. Океанийские космогонии, особенно космогонии Черных, как она отобразилась в Австралийских легендах, отличаются необычайной роскошью фантазии и первобытной свежестью. Хочется сказать, что, как Австралийские бабочки самые богатые по узорности и красочности крыльев, так и в Австралийских легендах светят мысли единственные по причудливости мечты, каких нигде не найдешь, – разве в Мексике, с которою эти области Черных имеют странное сродство.

ЭЛЛАДА

Мистические гимны Орфея имеются в чрезвычайно ценном издании Английского ученого Томаса Тэйлора [1787]. Есть современное издание этой книги, перепечатанное Английским Теософским Обществом [Лондон, 1896]. Хорошие издания отрывков, сохранившихся из нежно-медового творчества Сафо, есть между прочим в Италии, с которой ее лик так гармонирует. Например, Л. А. Микельанджели, Болонья, 1889.

СКАНДИНАВИЯ

Скандинавской «Эдде» также мною будет посвящен в «Пантеоне» особый выпуск, равно как Скандинавским народным сказкам.

Нет Норвежца, который не знал бы слов, составляющих «Речи Высокого». И если перед Норвежцем прочтешь наизусть слова Одина о дружбе, Скандинав прослушает их, как слушают псалом.

БРЕТАНЬ

Кельтские жрецы, Друиды, были не только вещунами-жрецами, но и духовными возрастителями Бретонского детства и Бретонской юности. Они говорили возрастающим о Звездах, о Луне и Солнце, и учили их мерить Землю Небом, и Небо ставили в звездную связь с Землей.

Загадка и образ – обычный язык Бретонцев. Они мыслят символами. Размер напевный в священных стихах Друидов, или вернее один из размеров излюбленных, троезвучие, третьей повторной рифмой усиливающее мысль и подчеркивающее достигнутую взволнованность чувств. «Ряды» один из наилучших образцов Бретонского поэтического творчества. Распутать все загадки, скрывающиеся в этом песнопении, довольно затруднительно. Делаю, что могу. Причем некоторые истолкования заимствую у собирателя Бретонских народных песен, виконта Эрсара Де-Ля-Вильмарка, в некоторых же совершенно с ним разнствую. Один, Единственный – был верховный бог Друидов. Это был их Отец, Фатум, Судьба. – Два быка – День и Ночь, скорлупа – корабль наших Суток. – Три начала и конца, – в миропонимании Бардов человек рождается и умирает трижды, во свершении полного развития своего человеческого лика во Времени и Пространстве. Дуб в поэзии Бардов означает не только дерево дуб, но и служит символическим означением друида. Три царства Мерлина – друидический Рай. –

Счет четыре – Мерлин, ибо Мерлин подарил Бретонцам 13 талисманов, в том числе четыре камня, сводящиеся к одному волшебному камню. Этот талисман переходил по наследству к Арморикамским вождям. Если храбрый чуть-чуть касался этого камня, его меч мог рассекать даже сталь. Каждый, кто был ранен таким мечом, умирал мгновенно. Но, если этого камня касался своим мечом трус, его меч тотчас же превращался в пыль. – Пять полос у Земли, – Друидам было известно, сколько частей света. Пять соответствующих эпох. Пять маяков у Сестры нашей, Морской водности. – Младенцы из воска, числом шесть, страшные куклы из воска, употреблявшиеся в старину – и употребляющиеся ныне – в черной магии, для погубления врага. Кто хотел извести недруга томленьем и тоской, тот делал такую куклу, запеленывал ее и отдавал юной девушке. Та носила ее на лоне своем девять месяцев. По истечении их, недобрый священник крестил такого младенца в мельничной воде, при свете Луны, под жерновом. На лбу его писали имя недруга, на спине имя Демона, и заклинание свершалось. Не означают ли эти шесть восковых младенцев – шесть месяцев года, с парными дополнительными шестью? Руководимые Луною, и воплощая тень сна, – а жизнь есть сон, – они тают, ибо тает воск, и так без конца. Шесть целебных трав у Друидов – белена, самол, вервена, омела, первоцвет, и трилистник. Карлик Бретонской легенды постиг язык всех вещей, когда три капли кипятившегося волшебного напитка брызнули ему на руку, и он поднес палец к губам. Подобно этому и Сигурди, отведав крови убитого им Фафнира, стал понимать язык птиц. Подобные же есть и Русские народные сказки. – Чисто 7 священно у всех народов, и роль его в Космогониях и в размерениях времени общеизвестна. Барды насчитывали семь Стихий: Земля, Вода, Огонь, Воздух, Туманы, Ветер и Атомы. – Восемь – священное число огней. Семь огней поддерживали Друиды в храмах непрерывно, восьмой же был священный огонь Бель-тан, который они зажигали в Мае, на высотах, в честь Солнца. На Бретонском острове Мон почитали богиню Владычицу владычиц, и у нее было восемь белых священных телиц. – Ряд 9 особенно значителен. Число материнства. Восходящая круговая башня – символ Жизни. На гумне вымолачивают поспевшие колосья, и свежее золотистое зерно открывает собою новую жизнь. Впрочем, в Порз-Кеинане, что значит Гавань Сетований, некогда, около башни приносили в жертву детей. Историческое предание таким образом сливается с естественным символизмом бытия. Корриганы, или Горриганы, суть маленькие гномы и феи Бретонской фантазии. Они танцуют свои пляски у воды, при свете Луны, как Литовские Вандинии. Кабан – столь же обычный образ в Бретонской поэзии, как медведь и волк в нашей, слон и тигр – в Индусской, или кролик, пума и змея – в Мексиканской. – Ряд 10 и ряд 11 говорят о роковых для Венедов событиях. – 12-число Зодиака, число годового круговозврата, и символ гибели дней в Году. Черная Корова с белой звездой, проходящая Лес Останков, и пораженная стрелою в грудь, – какой изумительный, первичною силой дышащий, образ завершенного Года! И за этим мажорное торжество звуков и светов, звучащий рог, огонь и гром, ветер и свет, дождь, и ничего, ничего больше. Застывшее в тайне человеческое лицо, и брызнувшие слезы из глаз. И всего страшнее этот обратный путь видений увиденного, это обратное шествие – от шествия рядов, 11, 9, 7, 4, 2, 1, ничего. Смерть, а до – ничего больше нет. Как будто колдун, в заклинании, вызвал на миг перед взором глядящего двенадцать таинственных призраков, и потом, мановеньем руки, отпускает обратно одного за другим. И снова под Луною равнина пуста.

Гвенк'Глан существовал воистину. Он жил в эпоху борьбы Христианства с религией Друидов. Он был ослеплен своим врагом, предсказал его гибель, и враг погиб. Он глубоко ненавидел Христиан, и предсказал их гибель. В его пророчестве дышит такая сила, как будто не одинокая человеческая душа, а дух Луны или Звезды скорбит здесь.

«Пьяность Солнца и Пляска меча» пелась под стук мечей, в то время как стройные юноши кружились в пляске, и, не прекращая ее, подбрасывали в воздух меч и налету ловили его. Гимн – Лезвию.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 4.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>